

ПОСЛЕДНИЕ дни 1956 года... Это — год великих свершений нашего народа, год исторического XX съезда Коммунистической партии Советского Союза, год творческого взрывного труда, широчайшей инициативы и активности миллионов тружеников.

В преддверии нового года состоялась пленум Центрального Комитета КПСС. В его постановлениях отмечены крупные успехи нашего народа в этом году, успехи в развитии и выполнении: сделан новый шаг вперед по пути создания материальной-технической базы коммунизма. «Советская страна стала еще более сильной, — говорится в постановлении Пленума ЦК, — выросла ее экономическая и оборонная мощь, повысилась материальная благосостояние народа».

Особенно радостны наши достижения в области социалистической промышленности. Идет в гору тяжелая индустрия — сердцевиной народного хозяйства. Выпуск промышленной продукции увеличился в этом году по сравнению с прошлым годом примерно на 11 процентов, в том числе по производству средств производства более чем на 11 процентов. А как много значит каждый этот процент простота в нашей стране, стране могучей индустрии! За каждым процентом видятся мощные турбины, устанавливаемые на новых гигантских электростанциях, десятки тысяч тракторов, вновь пришедших на колхозные и совхозные поля, поток автомобилей, шедший из сталей, металлов, нефти...

Летопис славных дел советского народа в этом году необычайно широка и многогранна. Перечень крупнейших строек весьма велик. Она лишь Куйбышевская гидроэлектростанция после введения в строй половины ее гидроагрегатов — десяти турбин — достигла мощности в 1 миллион 50 тысяч киловатт и стала крупнейшей в Европе. В канун нового года Москва получила старопольский газ через самый крупный в Европе трубопровод, проложенный на расстоянии в 1300 километров.

Гораздо богаче в этом году и государственные запасы. В них прибавилось хлеба более чем на 1 миллиард пудов по сравнению с прошлым годом. Великий трудовой подвиг совершили работники целинных земель, которые освоили 35,5 миллиона гектаров — доселе не тронутых степей Казахстана, Алтая и других районов страны. Славно потрудились и работники легкой промышленности: они дадут до конца года на 3 миллиарда рублей продукции сверх плана. Пищевая промышленность выпускает продукции сверх плана на 4 миллиарда рублей.

Все эти успехи, достигнутые в результате последовательного проведения ленинской политики, непосредственным образом отражаются на росте благосостояния советских людей. Заботу о человеке, труженике в творчестве коммунистической партии и Советское правительство провозгласило своим святым призванием. 1956 год был годом выдающихся законодательных мер по улучшению жизни советских людей. Закон о пенсиях, сокращение рабочего дня в предвыходные и предпраздничные дни, подготовка к переходу на семичасовой рабочий день, отмена платы за обучение в средних и высших школах и ряд других мероприятий Советского правительства радуют сердца всех советских людей. Свыше 35 миллиардов рублей в год выделено государством на эти цели!

Тот, кто не слеп, видит — величайшие преимущества социалистической системы. Они доказаны, проверены, испытаны всей практикой, всем жизненным опытом советского народа. Социалистическая система — ее плановым хозяйством, с безграничным размахом народной инициативы и активности миллионов тружеников — нам по душе. Она несет великие победы коммунизма. И как бы ни клеветали на нашу систему, на наш общественный и государственный строй реакционеры всех мастей из-за рубежа, как бы ни искажали суть нашего советского образа жизни, им не свернуть наш народ с избранного пути, пути единственно верного, озаренного ленинским учением проверенного жизнью, плодотворного, победного пути, по которому ведет нас коммунистическая партия. На клеветнические наветы советские люди отвечают полными достоинства, спокойствия и юмора ленинскими словами: «Пусть москиты буржуазного общества вьются и лают по поводу каждой лишней цента при рубле больше-

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 154 (3655)

Четверг, 27 декабря 1956 г.

Цена 40 коп.

Время больших свершений

го, старого леса. На то они в москиты, чтобы лаять на пролетарского слона. Пусть лают. Мы пойдем себе своей дорогой...»

Дорога наша светла и романтична. Будущее за нами. Впереди — крутой подъем производительных сил и умножение общественного богатства Родины. И в канун нового года советские люди, радуясь успехам своей страны, размышляют о том, что надо сделать в будущем году, как еще стремительнее двигаться вперед. Только что закончившийся Пленум ЦК КПСС нацеливает народ на величайшие дела.

В настоящее время, — говорится в постановлении Пленума, — партия видит свою задачу в том, чтобы еще лучше и полнее использовать величайшие всемирно-исторические преимущества социалистического строя, социалистической системы хозяйства в интересах народа, в интересах строительства коммунизма.

Партия по-ленински прямо и открыто говорит народу о недостатках в государственном планировании и в управлении народным хозяйством. Партия указывает на огромные резервы и возможности для дальнейшего бурного развития народного хозяйства и учит миллионы тружеников использовать эти резервы, чтобы перейти на новую, более высокую ступень экономического развития.

В решениях декабрьского Пленума ЦК КПСС изложена широкая программа улучшения руководства экономикой и государственного планирования на основе ленинских принципов социалистического хозяйствования. Ленин учил осуществлять демократический централизм в области хозяйства, опираться на народную инициативу, местный опыт, укреплять и совершенствовать дело планирования народного хозяйства. Руководствуясь этими принципами, партия считает необходимым повысить роль союзных республик в хозяйственном строительстве, расширить права министерств, хозяйственных объединений и предприятий, упростить и сократить административно-управленческий аппарат. Для устранения чрезмерной централизации в управлении народным хозяйством Пленум ЦК призвал необходимым ликвидировать излишние и параллельные действующие звенья, приблизить органы центрального аппарата хозяйственного управления и научно-исследовательских учреждений к равной расположенности предприятий, обеспечить координацию хозяйственной деятельности внутри экономических районов.

В первом полугодии будущего года сессия Верховного Совета СССР будет рассматривать и утверждать шестой пятилетний план. Пленум ЦК КПСС призвал необходимым внести уточнения контрольных цифр в пятилетний план и в проекте плана на 1957 год. Эти уточнения должны быть направлены на наиболее рационально и эффективно использовать огромные материальные и финансовые средства, вкладываемые в народное хозяйство. В частности, не будет допускаться распыленности средств по многим строительным, эти средства намечено сосредоточить на важнейших стройках и пусковых объектах. Для бесперебойной и ритмичной работы предприятий будут образованы материальные запасы в промышленности. Пленум ЦК призвал также необходимым выделить дополнительные ассигнования на жилищное строительство.

Коммунистическая партия в решениях Пленума ЦК зовет советских хозяйствен-

ников чутко прислушиваться в голосу масс, опираться на опыт масс, активно поддерживать и поощрять народную инициативу. У нас установилась плодотворная социалистическая традиция при составлении планов: обсуждать их на рабочих и колхозных собраниях. Пленум ЦК, поддерживая эту традицию, рекомендует не только шире практиковать обсуждения перспективных планов предприятий и колхозов на собраниях, но и проверку выполнения этих планов. Большая роль в улучшении руководства хозяйством и развитии народной инициативы принадлежит профсоюзам. Партия вновь и вновь напоминает их высокое назначение — школы управления, школы хозяйствования, школы коммунизма.

Каждого советского человека радуют эти ясные, глубокие, пронизанные ленинским духом решения. В них — безграничная вера в животворные силы нашего народа, в его духовную мощь. В них — призыв к новым свершениям. В них — революционная романтика наших дней.

Подходит сороковой год первого в мире социалистического государства. Все лучшее, что есть в нас, мы отдаем земле наших отцов, полотой кровью, украшенной трудом миллионов, чудесно преобразованной под руководством мудрой ленинской партии. Мы стали неизмеримо сильнее, за-

каленные, опытные, нам по плечу еще более великие дела. И ничто не может бросить нас с единственно верного пути — ни клеветы и угрозы открытым врагам, ни вкляпывания и упреки мнимых или настоящих друзей, ни собственные ошибки и просчеты, неизбежные у всех отважных, открывающих новые пути.

Наше время — чудесное время. Наш народ — народ высокой идейной чистоты, непоколебимой стойкости, мужества, морального здоровья и оптимизма. Прав был Горький, еще в тридцатых годах замечая: «Среди трудового народа... из его плоти выросла, выработалась армия совершенно необыкновенных людей. Пятилетка строит не только гигантские фабрики, но и создает людей колоссальной энергии». И Горький напоминал писателям, что они живут в окружении этих людей, что литература должна понять свою роль как роль возбудителя еще большей энергии. Этот горьковский призыв сейчас столь же злободневен, как и двадцать пять лет назад, когда писался Горьким эти строки.

Обрываются последние листки календаря. Скоро наступит год 1957-й, второй год шестой пятилетки. Каждому из нас предстоит быть свидетелем и участником новых больших свершений советского народа. Будем же достойны нашего времени, нашей великой эпохи строительства коммунизма!

Обсуждение итогов декады

Заседание секретариата Союза писателей СССР

25 декабря состоялось расширенное заседание секретариата правления Союза писателей СССР, где были подведены итоги литературной части декады. Секретарь правления Союза писателей Эстонии Л. Реммельгас тепло поблагодарил всех литераторов, принимавших участие в декаде. В общем, результаты декады вполне удовлетворяют эстонских литераторов и деятелей искусства Л. Реммельгас говорит и о недостатках в подготовке и проведении декады, о том, что спешка отрицательно сказалась на сроках выпуска книг и качестве переводов.

Мысль о деловых связях братских литератур и литераторов была поставлена в основу выступления М. Рауд, В. Казин, Е. Пермитин и др. С. Евгенов, в частности, заметил: во время декады плодотворно были обсуждены журнал «Дломинг» и газета «Сирп я васар». Это доказывает, какую большую пользу можно извлечь из знакомства с посвелевшим практическим опытом литературных журналов и газет братских республик. Надо поэтому созвать общее совещание редакторов этих журналов и газет.

Выступивший от имени украинских и белорусских писателей А. Хорунжий горячо поздравил эстонских товарищей с большим успехом, но выразил сожаление, что, кроме москвичей, никто не смог увидеть замечательную эстонскую живопись и графику, эстонское искусство. То, что в обсуждении книг эстонских писателей приняли участие литераторы из других республик, — это хорошо.

— Но разве правильно, — замечает А. Хорунжий, — что нас пригласили за два-три дня, так что мы не смогли как следует подготовиться к обсуждению? По мнению Л. Тоом, форма обсуждения книг, которая применяется на по-

следних декадах, устарела. Московский писатель или критик обычно прочитывает перед обсуждением одну-единственную книгу писателя из республик, плохо зная его творческий путь и имея недостаточное представление обо всей данной литературе. В результате на обсуждении получается «не проблемный разговор, а сумма устных рецензий. Надо серьезно подумать о формах работы на декадах, о формах постоянной деловой связи.

Н. Тихонов предложил некоторые такие формы. — На декадах, — заметил он, — выпадает личное общение писателей, немалоголовые дружеские встречи, а они очень важны.

Писательствовавший на заседании А. Сурков подробно говорил о важности деловых контактов писателей братских республик, о важности постоянной связи руководителей Союза писателей с местными республиканскими писательскими организациями.

— Это сейчас один из самых важных вопросов, — сказал А. Сурков. — Мы здесь, в Москве, мало еще занимались большими делами многонациональной литературы. Надо, чтобы каждый секретарь союза чувствовал ответственность за эти дела и занимался ими.

— Существующую форму проведения декад, — продолжал А. Сурков, — надо подвергнуть серьезной дискуссии; опыт декад надо обобщить, по-деловому в нем разобраться, учитывая, например, что, кроме политически важного и полезного в декадах, немало есть в подготовке к ним и проведении их от ярмарки тешества. Всякого рода спешку и «накладку» следует довести до минимума. Заслуживают поддержки предложения об укреплении деловых постоянных связей литераторов, о территориальном расширении декад.

О ТИРАЖАХ ПОДПИСНЫХ ИЗДАНИЙ

Министерством культуры СССР введен новый порядок установления тиражей подписных изданий. Они, как правило, будут определяться только после окончания полугода. По такому порядку в 1957 году будут установлены тиражи для подписных изданий сборников сочинений: Н. Ггарина-Михайловского (в че-

тырех томах), А. Куприна (в шести томах), А. Караваевой (в шести томах), С. Маршак (в четырех томах), К. Паустовского (в пяти томах), С. Черемухина (в четырех томах), Прем Чандра (в четырех томах), Г. Манна (в восьми томах).

В ПРЕДВЕРИИ НОВОГО ГОДА

Мысли, пожелания, предложения

Увлекательная цель

В. ЛОХМАТОВ, старший инженер-конструктор завода «Динамо» имени С. М. Кирова

Раньше чем ответить на вопросы редакции, должен сказать, что, как и все советские люди, я глубоко взволнован постановлением декабрьского Пленума Центрального Комитета КПСС.

Для завода «Динамо» эти постановления имеют, мне кажется, особое значение. Дело в том, что не далее чем на июльском Пленуме ЦК КПСС электротехническим работникам предприятий будут образованы материальные запасы в промышленности. Пленум ЦК призвал также необходимым выделить дополнительные ассигнования на жилищное строительство.

Коммунистическая партия в решениях Пленума ЦК зовет советских хозяйствен-

новь подчеркивая значение технического прогресса, возлагают на весь наш коллектив особую ответственность и в связи с тем, что «Динамо» производит оборудование, аппаратуру и во многие зарубежные страны, в том числе в Китай, Индию, Венгрию, Вьетнам, Чехословакию, ГДР.

Разрабатывая в этом году электротехнику для строительных механизмов, предназначенную к поставке в Индию, мы создали, например, тропический вариант этой аппаратуры. Пришлось позаботиться, в частности, о надежной защите изоляции. Найденное решение заключается в обработке изоляционных материалов так называемыми инсектофунгицидами — ядами, которые применяются обычно для борьбы против вредителей сельского хозяйства.

Я лично буду также работать в наступающем году над тем, чтобы сделать нашу аппаратуру самой прочной, самой легкой и надежной, решительно унифицируя ее конструктивно. Это очень увлекательная цель.

В. ЛОХМАТОВ, старший инженер-конструктор завода «Динамо» имени С. М. Кирова

Мой первый труд

И. КИРПИЧЕВА, библиограф Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде

На востоке азиатского континента мочулая река «Черного дракона» — Хэйлунцзян, а по-нашему Амур-батюшка, омывает границы Китая и СССР. Здесь силами строителей двух великих народов будет сооружен каскад гидростанций. Их энергия явится базой для дальнейшей индустриализации советского Дальнего Востока и провинций Северо-восточного Китая.

Комплексные исследования бассейна Амура поручены двум академиям наук — СССР и КНР. Нашему коллективу, например, предстоит исследовать особенности природных условий этого

края, составить разнообразные карты, дать схему природного районирования, наметить размещение новых баз сельского хозяйства. Сотни тысяч гектаров целинных земель в советском Приморье и миллионы гектаров целинных земель на Северо-востоке Китая и во Внутренней Монголии могут быть использованы для земледелия.

Природа этих мест исключительно своеобразна. Летом бурные дожди заливают поля, затрудняя уборку хлебов. Малоснежные зимы и 30—40-градусные морозы глубоко промораживают почву; она полностью оттаивает лишь в конце июля. Страшные наводнения затопляют прибрежные равнины с их более плодородными почвами. Все это должно быть изучено китайскими и советскими учеными для того, чтобы рациональной системой земледелия подвести благоприятные природные факторы и использовать высокие плодородие почв.

Китайские ученые подсчитали, что они смогут помочь использовать на Северо-востоке Китая и во Внутренней Монголии до шести миллионов гектаров целинных земель, пригодных для освоения. Это замечательно интересное дело по изучению и освоению богатств

Дальнего Востока захватил нас, и наших друзей — китайских исследователей.

В новом году отряды экспедиции будут спускаться в устье Амура, изучать долины, берега и водораздел рек Уссури, Сунгари, Амура, Зеи, Шилки и Аргуня; к 1960 году наша экспедиция должна завершить свои работы.

В. КОВДА, член-корреспондент Академии наук СССР

Перед отъездом

Вспоминать прожитый год, я должен признаться, что за это время не совершил ничего выдающегося. Пролетал учиться и перешел на пятый, последний курс Московского консерватории. Все же я вступаю в 1957 год с радостным чувством.

Мне предстоит сдать дипломную работу, и ею будет партия Онегина, о которой я давно мечтал. Петя Онегина в России — серьезное испытание, особенно для иностранца. Но такое строгое испытание очень полезно — ведь у себя на родине я рассчитываю выступить в

этой же любимой роли. Правда, первое время придется петь Онегина по-русски, но это неизбежно для певца, учившегося за границей.

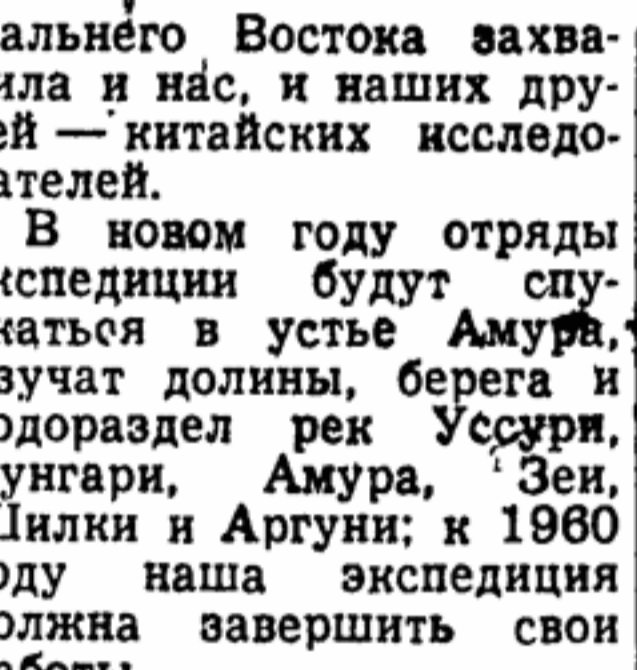
Конечно, лучшим сюрпризом для семьи явился бы мое появление на праздничном столе, где будет поставлен прибор и для меня; так уж издавна полагается у нас в народе — ставить лишний прибор для нежданного гостя. Янинский праздник в нашей семье, да и всех других семечья Чехословакия. Будет еще радостнее, чем скажем, прошлогодний, — у нас прошло новое снижение цен.

В конце января выеду на родину для участия в концертах. Мечтаю снова пройти по улицам Праги, прогуляться по Староместской улице — узенькой, со старинными домами, с подъездами, где по вечерам всегда стоят влюбленные пары.

Впрочем, это уже не имеет отношения ни к продажам старого, ни к встрече нового года.

Владимир ЯНЕЦКИЙ, студент Московской консерватории

В преддверии нового года редакция «Литературной газеты» обратилась к представителям различных кругов советской интеллигенции с просьбой коротко рассказать о своих работах в 1956 году и планах на новый год. С такими же вопросами редакция обратилась к живущим в СССР ученым и студентам зарубежных стран. Сегодня продолжаем публиковать полученные нами ответы.

В. КОВДА, член-корреспондент Академии наук СССР

Перед отъездом

Вспоминать прожитый год, я должен признаться, что за это время не совершил ничего выдающегося. Пролетал учиться и перешел на пятый, последний курс Московского консерватории. Все же я вступаю в 1957 год с радостным чувством.

Мне предстоит сдать дипломную работу, и ею будет партия Онегина, о которой я давно мечтал. Петя Онегина в России — серьезное испытание, особенно для иностранца. Но такое строгое испытание очень полезно — ведь у себя на родине я рассчитываю выступить в

этой же любимой роли. Правда, первое время придется петь Онегина по-русски, но это неизбежно для певца, учившегося за границей.

Конечно, лучшим сюрпризом для семьи явился бы мое появление на праздничном столе, где будет поставлен прибор и для меня; так уж издавна полагается у нас в народе — ставить лишний прибор для нежданного гостя. Янинский праздник в нашей семье, да и всех других семечья Чехословакия. Будет еще радостнее, чем скажем, прошлогодний, — у нас прошло новое снижение цен.

В конце января выеду на родину для участия в концертах. Мечтаю снова пройти по улицам Праги, прогуляться по Староместской улице — узенькой, со старинными домами, с подъездами, где по вечерам всегда стоят влюбленные пары.

Впрочем, это уже не имеет отношения ни к продажам старого, ни к встрече нового года.

Владимир ЯНЕЦКИЙ, студент Московской консерватории

Над Иманом

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ

УССУРИЙСКАЯ тайга... Из всех богатств Приморского края, может быть, наиболее замечательными являются эти необозримые леса где кедр и лиственница стоят рядом с пробковым деревом, а по сторонам великан ильма вьется дикий виноград и лимонник.

Непрерывно побывав в верховьях Имана, — советовали мне приморцы, — если хотите увидеть, как освещают зеленые сокровища Приморья.

И вот машина мчит по широкой, ровной дороге. По обе стороны до самого горизонта простирается болото. Тускло отсвечивает в зарослях осины и камыша ржавая вода. Безлая цапля стоит неподвижно на кочке. Увидев машину, она ловко расплывается свои широкие крылья.

Этот бескрайний, унылый пейзаж кажется бесконечным, и одна лишь дорога, проложенная среди топких болот, напоминает о том, что здесь побывал человек. Что привел его в этот неуютный край?

тористы, землекопы, экскаваторщики — и те иной раз впадали в отчаяние:

— Проклятое болото!

Но именно это место на заболоченном берегу Имана выбрали для создания доместроительного комбината. И вот почему.

В те самые дни когда шло наступление на болото, далеко отсюда началось еще одно сражение. Отряд лесорубов и строителей двинулся в тайгу.

Кому довелось с топором в руках пробираться через буреломы, переходить вброд горные реки, спасаться у костра от мошарки и гнуса тот может представить себе, что испытали люди в верховьях таежных притоков Имана.

Это был очень трудный, изнурительный поход. Строители проишли туда где не ступала нога человека. Проводя лес и северовосток от Имана, они вошли в богатейший лесной район, чтобы заготовить сырье для будущего комбината. Отсюда предстояло сплавлять по горным рекам древесину. Конечный пункт сплавных магистралей находится как раз там, где осушали болото. Поэтому и пришлось строить здесь комбинат и рабочий городок.

Так возник огромный конвейер, протянувшийся на двести километров, — от леспромхоза в тайге Сихотэ-Алиня до ворот комбината (стволы могучих кедров и елей превращаются здесь в отпиленные стволы дверей, оконные переплеты, тонкие плиты паркета.

Едут на Дальний Восток колхозники и рабочие, педагоги и инженеры, геологи и лесорубы, рыбаки и конструкторы, зоотехники и агрономы. Здесь их ждут с нетерпением. Всем хватает увлекательного дела. Пусть же знает каждый из них, как на берегу Имана, на осушенном болоте готовят для приморских новоселов жилища.

Комбинат выпускает ежегодно жилых домов на двадцать тысяч человек. Огромный, залитый солнцем домостроительный цех расположен рядом с лесопилкой. Десятки разных станков установлены в несколько линий. Каждая предназначена для изготовления отдельной части дома. У входа в цех стоят

станки, выполняющие плотницкую работу. Они делают фермы, перегородки, балки, цыты. Грядом движется комбинатная дверь. Ее составляют из тонко острогом деталей А в параллельном потоке переходят от станка к станку оконные переплеты, форточки. Большое отделение этого цеха отведено специально для изготовления паркета.

Для того чтобы увидеть новый леспромхоз, созданный для этого комбината в таежной глуши, нужно совершить нелегкий путь к верховьям Имана. Летчики засадили лесной овраги проложили туда более удобный воздушный маршрут. По утрам с небольшого аэродрома поднимается в воздух «Антоша», как называют здесь одинотырный биплан «АН-2».

Обычный, будничный рейс... Долго летим над тайгой, и на память приходит запись в дневнике известного исследователя Приморья В. Арсеньева. Здесь, на берегу Имана, после утомительного перехода вписал он в тетрадь «Тайга, тайга и тайга... Когда глядя на эти сплошные необозримые леса, затерявшиеся на горизонте, полжизнью сташившиеся жутко при мысли о том, что мог бы быть одиноко затерянным в этой дикой пустыне...»

Может быть, сюда никто не забирался после Арсеньева, и кто знает, какие открытия, какие находки ждут смельчаков, которые углубятся в эти дебри, преодолеть вековые завалы, взойдут на вершины горного хребта — вон на те крутые горбы, где белеет снег...

Неизведанный край всегда влекла к себе людей сильной воли, отваги, непреодолимой страсти к познанию окружающего мира. Они заслужили уважение современников и оставили богатое наследие потомкам. Снова и снова вспоминаются дневники Арсеньева, хранящие во Владивостоке, в Приморском филиале Географического общества. Семь толстых тетрадей в клеенчатых переплетах, кажется, и поныне еще сохраняли горьковатым запахом бивачного ковра. Они повествуют о суровой жизни в тайге, о тяжелых лишениях.

Самолет набирает высоту, под крылом — пологие склоны сопки похожие на застывшие волны. Мы летим над правым притоком Имана, рекой Бебчук. Тайга не пердела. Лишь кое-где серыми пятнами выделяются оголенные вершины горного хребта. «Дикая пустыня» простирается на все четыре стороны света. Но если хорошо всмотрится, да-

же с такой большой высоты можно заметить узенькую темную полосу, прерывистую с юга на север таежные дебри. Она едва приметна в густых зарослях, над ней сомкнулись кроны деревьев, прикрывая сверху эту единственную дорогу на склоны сопки, устремляясь все дальше на север.

И уже не оторвать взгляда от этой врезанной в лес дороги, и не терпится узнать, куда же ведет она, прямо преодолевая все препятствия, оглябая глубокие овраги, связывая мостиками берега ручьев и горных рек...

«Антоша» не уклоняется от этого ориентира, мы летим тем же курсом, какой избрал когда-то люди, пришедшие в тайгу. Они проложили дорогу с юга на север, и теперь она ведет нас к верховьям реки Ханхезы.

На штурманской карте нет ни одного населенного пункта. Не обозначены в этом месте даже одинокие избышки охотников-удальцев. Но дорога, тоже еще не нанесенная на карту, вывела нас к большому поселку на берегу реки.

Самолет снизился над рублеными домами, прошел над огородами и широкой улицей. Виден гараж с грузовыми маши-

нами, стоящими в три ряда. На краю поселка сооружается еще несколько домов. Возле них лежат выкорчеванные огромные пни.

Это первый поселок леспромхоза, который дал сырье Иманскому комбинату. Отсюда протянулся лесной конвейер, созданный в пять лет приморскими строителями. Дорога, которая привела нас сюда, позволила обжить эти места, забросить в тайгу тракторы и грузовые машины, электромоторы и бульдозеры, станки для мастеровских и оборудования для пекаря.

Под крылом самолета — широкое устье Имана. Речная протока покрыта от берега до берега корячьими бревнами. Видно, как поднимаются из воды и ложатся на ленту конвейера толстые стволы деревьев. Белеет на краю отступившего болота высокий штабель досок — там началось строительство нового квартала рабочего городка. Катятся грузовые машины по дамбе — она кажется сверху еще ярнее, растянувшись на добрый километр товарный поезд по железнодорожной ветке, связанной с доместроительным комбинатом с главной магистралью...

И. ОСИПОВ

ПРИМОРЬЕ

ВЧЕРА, СЕГОДНЯ И ЗАВТРА

1. — Висловоды и Сочи не при-знаю, — люблю «шпиговать», бродить по лесу, собирать редкие орехи, охотничьи... Не только отпуск, но и выходные дни провожу в тайге, — она близка, на пригородном поезде добираться...

Так говорил Василий Григорьевич Гурьянов. За оном спелая зимняя ночь. Давно уже пропыла над Сталинском бархатный и властный зов заводского гука, ударяясь в ближние и дальние горы и входя в каждый дом. Стих тотот ночной смены на мерзлых и гулких тротуарах, прошла уже и возвращавшаяся домой вечерняя смена, а мы все сидели с Василием Григорьевичем и говорили, говорили...

— Из-за любви в тайге возникла у меня склонность к «шпигованию». Начал описывать охотничьи приключения и даже послал их в «Сибирские огни». Но тут товарищи редакторы взбесились: «Что ты пишешь нам охотничьи рассказы? Ты кто-нибудь или электрик доменной печи?» И предложили мне помечтать о том, каким будет наш доменный цех через пять лет. Я и написал маленький рассказ, который и был напечатан в журнале под названием «Завтра»...

Гурьянов подошел к книжному шкафу, извлек из него заветную книжку журнала. За оном мела пурга, ударяя в стекла горстями снега и все же бессильная скрывать багровые слюды гигантского, растаившего на много километров металлургического завода. В эту минуту я видел совсем другого Гурьянова — не того, любимого поговорка которого гласит: «В технике нет места прилагательным, здесь уважаются только числительные», и при встречах на заводе в его запыленной книжке, разбухшей и грязной, как бы пропитанной рудной пылью, наряду с набросками электрических схем удавалось обнаружить описание природы или четверостишие из прочитанных стихов.

Живой интерес к событиям литературной жизни Гурьянов проявлял всякий раз, когда встречался с профессиональными литераторами, и это давно уже давало основание подозревать в нем человека, который, вероятно, пишет сам. Однако не сразу можно было догадаться, что и интерес его к литературе есть не что иное, как одно из проявлений его более сильной и всеобъемлющей страсти к творчеству в области техники. Глаза этого человека, показывавшего мне своей очерк, напечатанный еще до войны, и сейчас были полны вдохновения.

И все же весь этот долгий зимний вечер меньше всего был посвящен литературе. Отвлекался иногда на рассказ о каком-либо попутном эпизоде, Гурьянов излагал извистую и довольно-таки тривиальную историю о том, как некий институт неудовлетворительно выполнял заказанную ему схему автоматизации вагон-весов доменной печи и что, по-видимому, придется заволу осуществлять эту работу своими силами. «Ученые, далекие от практики, осуществить это не сумели, а нам министерство разве доверит?»

Но в это мгновение, когда он стоял перед мной с раскрытой книжкой «Сибирских огней», не осталось от обиды и следа.

— Что ж, — проговорил он не спеша, — все, что писал, сбилось! Все в чем действительность даже превзошла наши ожидания. Пусть не в пять лет, а несколько годами позже, — помешала война! — но удалось нам приблизить это «завтра» к сегодняшнему дню.

2. Замыслы были немалые. Автоматическое управление всеми грузозагрузочными устройствами доменной печи. Не фантастично ли это, осуществимо ли? Прошла года, и теперь доказано: осуществимо!

Взаимозависимость пяти, шести и более машин, работающих без участия человека, — теперь уже не редкость на кузнечных домах. И ни одна из этих автоматических систем не рождалась без участия Гурьянова. Но главное заключается в том, что переменялись люди. Автоматизма принесла с собой новую культуру труда, не имеющую ничего общего с небрежностью, бытовавшей в те времена, когда на домах еще царил работа на глазок и тяжелый физический труд.

Гурьянов был одним из тех людей, которые это отлично понимали. Правда, все, о чем он писал в своем фантастическом рассказе, сбилось, но он был все-таки недоволен. Нервно шагал он быстрыми шагами по большой пустынной комнате.

В опубликованном списке работ, поступивших на соискание Ленинских премий в области науки и техники, есть перечень лиц, работающих над автоматизацией доменных печей. О делах этих людей рассказывается в публикуемой очерке.

— Вы это можете понять? Все автоматизировано на доменных печах, кроме вагон-весов. Работа этой машины по-прежнему зависит от ловкости и умения человека, который ею управляет. Человеку же свойственно ошибаться, тогда как машине — никогда!

Голос Гурьянова твердел, в нем появились какие-то злые нотки.

— Представляете себе, — говорил он, — ходит по железнодорожным путям машина без человека. Подходит к одному бункеру, то к другому, то к третьему — в такой последовательности, какую мы ей укажем. Набирает в себя материалы, взвешивает их, потом направляется к скиповой яме и посылает свой груз наверх, в печь...

Прошло не так уж много времени после этой встречи с Василием Григорьевичем, как жизнь настоятельно подтвердила необходимость удаления человека с вагон-весов. Дело в том, что в доменном производстве начали все больше применять ослепованный агломерат, поступающий в горячем виде. Машинам вагон-весов пришлось работать в трудно переносимой обстановке высоких температур.

И тут обнаружилось, что кузнечные доменщики, в том числе и Гурьянов, раскритиковавшие разработанную институтом несовершенную систему, предложили уже свою собственную. А так как эта система имела на первых порах не только сторонников, но и противников, то в доменном цехе «залгордило».

Больше всего, как ни странно покажется это на первый взгляд, встревожились машинисты вагон-весов, с помощью которых пришла автоматика. Ведь мастерство, годами приобретаемое ими, больше не будет нужно: профессия машиниста вагон-весов перестанет существовать! Оставалось либо уходить из цеха и менять профессию, либо переквалифицироваться в обслуживающего машину-автомат электрика-наладчика. А это означало, что мало много и упорно учиться.

В цехе началась полоса бурных партийных и профсоюзных собраний. Не сразу победили новаторы. Но победили! Сторонников у новаторов оказалось так много, что пришлось чуть не яростно бросать, когда в цехе отбирали желающих участвовать в инициативной группе по проектированию автоматических вагон-весов. Эта группа, возглавляемая Гурьяновым, осмелилась взяться за решение сложной технической задачи, которая оказалась не под силу институту.

3. Четверть века назад, прибыв комсомольцем на строительство в Кузнецкой котловине, Гурьянов мечтал о подвиге. По-разному представлялся он ему, по-разному проявлял свои силы и знания Гурьянов, но вот теперь, когда он приступил к осуществлению заключительного этапа автоматизации доменной печи, казалась это его заветная мечта сбывается.

Изобретателем становится не тот, кто думает, что бы такое ему изобрести и быть ли ему изобретателем или нет, а тот, кто становится им незаметно для самого себя. Необходимость во что бы то ни стало поднять выпуск чугуна заставила Гурьянова быть изобретателем.

Инженер-механик Л. Матусевич и мастер П. Ослин, такие же ветераны Кузнецка, как и Гурьянов, взялись вместе с ним за дело горячо.

Прежде всего нужно было найти решение по двум наиболее важным вопросам. Первый: как связать подвижные вагон-весы с неподвижными бункерами и постом управления? Второй: как взвешивать большое число компонентов шихты в различной последовательности?

Таковы были два «орешка», и на то, чтобы их раскусить, ушло немало времени.

За этот период не дремали и на других заводах. В Тагиле, например, тоже осуществляли автоматизацию вагон-весов. Но там оставались на вагон-весов человека, который должен был включать и выключать штенсельную валку.

— Это была не автоматизация, а полуавтоматизация.

И вот теперь, когда он стоял перед мной с раскрытой книжкой «Сибирских огней», не осталось от обиды и следа.

— Что ж, — проговорил он не спеша, — все, что писал, сбилось! Все в чем действительность даже превзошла наши ожидания. Пусть не в пять лет, а несколько годами позже, — помешала война! — но удалось нам приблизить это «завтра» к сегодняшнему дню.

Замыслы были немалые. Автоматическое управление всеми грузозагрузочными устройствами доменной печи. Не фантастично ли это, осуществимо ли? Прошла года, и теперь доказано: осуществимо!

Взаимозависимость пяти, шести и более машин, работающих без участия человека, — теперь уже не редкость на кузнечных домах. И ни одна из этих автоматических систем не рождалась без участия Гурьянова. Но главное заключается в том, что переменялись люди. Автоматизма принесла с собой новую культуру труда, не имеющую ничего общего с небрежностью, бытовавшей в те времена, когда на домах еще царил работа на глазок и тяжелый физический труд.

Гурьянов был одним из тех людей, которые это отлично понимали. Правда, все, о чем он писал в своем фантастическом рассказе, сбилось, но он был все-таки недоволен. Нервно шагал он быстрыми шагами по большой пустынной комнате.

— Вот видите, в Тагиле не вышло. А вы хотите быть умнее всех, — раздавались осторожные голоса. — Вы оторвались от земли и влетаете в облаках.

Но инициативная группа не сдавалась. Люди стояли на твердой почве требований жизни.

...Я не берусь здесь рассказывать о том, как рождались решения, связанные с созданием нужных аппаратов. Может быть, если бы удалось расширить жену Гурьянова, она рассказала бы нам и о бессонных ночах с бесконечным хождением взад и вперед по комнате в долгие зимние ночи, и о появлявшейся вдруг у мужа потребности забросить все и уйти в тайгу «шпиговать». Но, конечно, помогло довести дело до конца и то, что теперь уже огни по вечерам горели не только в комнате при цеховой мастерской, но и в большом, установленном чертежными досками зале проектного отдела комбината. Кстати сказать, Гурьянову, не получившему высшего образования, пришлось в ту пору много учиться и, в частности, ослет весь курс сопротивления материалов.

Первые вагон-весы были автоматизированы на третьей яме. Нужно ли говорить о том, что они долго капризничали, не хотели работать, что их не раз и не два пришлось возвращать в мастерскую для переделки?

— Эта машина все равно работать не будет! — гоняла как-то недобрый голосом один из лучших машинистов вагон-весов. — Пыль столбом стоит, а у машины две тысячи контактов. Эту машину надо поставить под стеклянный колпак да еще устроить резиновые прокладки, чтобы пыль не проникала, — тогда она еще может быть, и будет работать.

Но наплыв и такие машинисты, которые решили перучиваться. Раньше они знали одно — вернуть ручку контроллера в то, в одну, то в другую сторону да поглядывать на циферблат, показывающий вес принятого груза. А тут совсем шетло. Оказывалось, что автоматика не исключает индивидуальности рабочего, его знаний, способностей.

Уже сегодня можно сказать, что автоматические вагон-весы требуют, в отличие от обычных, самого тщательного и умелого ухода. Регулирование и обслуживание автоматической системы возможны лишь при наличии у рабочего знаний, которые приближают его по квалификации к технику или инженеру.

Одни это уже поняли, другие — еще нет.

— Человек я малограмотный, не освою я машину все равно. Отпустите меня на первую печь... — просил один из таких машинистов.

— Чудак! Разве на первой не будет автоматических вагон-весов? Они же на всех печах будут!

Конечно, в будущем наладчиками придется ставить людей со средним или высшим техническим образованием. Но сейчас таких наладчиков еще нет.

И тут первое время доходило до курьезов. Иной машинист за двадцать лет работы так привык держать ручку контроллера, что и сейчас, будучи уже наладчиком, не-нет, да и тронет ее. А контроллеры на вагон-весов теперь так устроены, что стоят только сдвинуть один из них, как машина тотчас же выключается...

— Убери руки! — кричит, бывало, расерженный электрик. — Машина-то без тебя идет! А не можешь расстаться с ней, хочешь кататься — катайся, но только не трогай ничего руками!

И я видел, как старый машинист сидел, не шевелясь, как-то по-смешному прижав руки к коленям. С лица его градом лился пот...

На этом можно было бы и закончить наш рассказ, если бы некоторое время назад в Сталинск вдруг не пришла ошелмляющая весть: магнитное доменнички, вот уже третий десяток лет соревнующиеся с кузнечками, задумали перевести свои домы на газурку шихты с помощью транспортеров и тем самым вовсе отказаться от применения вагон-весов.

Узнав об этом, Гурьянов загорелся.

— Интересная идея! Но ее надо еще осуществить. Рано или поздно, но мы к этому придем! — добавил он убежденно. — Завтра превратится в сегодня, теперь задача заключается в том, чтобы сегодня стало называться вчера.

И. АРАЛИЧЕВ
СТАЛИНСК—МОСКВА

Много интересного придумали уже и нас для проведения VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов. На очередном заседании Советского подгруппового комитета были заслушаны сообщения представителей Москвы, Ленинграда и Украины. Они рассказывали и о том, как разойдутся сейчас у нас голубей, которых надо научить участвовать в воздушном параде, а затем вернуться домой, и о том, как выращиваются цветы, — полмиллиона букетов требуется только для одного парада открытия, — и о том, как увлеклись изучением иностранных языков десятки тысяч молодых людей, чтобы иметь возможность побеседовать с гостями, и о многом, многом другом. Много юностей и девушек, пионеров и школьников готовят сейчас подарки: косынки с дарственными надписями, шкатулки, вышивку, модели машин, альбомы, картины...

Облик поэта

Имя поэта Рудани широко известно на всем Востоке — он был классиком таджикской и иранской поэзии (в августе будущего года отмечается 1100 лет со дня его рождения). Сохранилось богатое поэтическое наследие Рудани, нам многое известно о его жизни. Но нет ни одного рисунка, по которому можно было бы представить внешность поэта.

Этот пробел взялся восполнить известный скульптор-антрополог М. Герасимов, которому удалось по черепам воссоздать облик многих людей прошлого. Свою новую работу он начал с раскопки могилы Рудани в кишлаке Панджруд (Колхознического района) на севере Таджикистана. Вот что рассказывает ученый вашему корреспонденту:

— Я давно мечтал разыскать могилу Рудани и чрезвычайно рад, что мне предоставлена такая возможность. Ведь мы почти ничего не знаем о внешнем облике поэта. Лишь его собственные произведения дают некоторые указания на этот счет. В частности, в «Оде старости» поэт говорит о себе, как о глубоком старце, утратившем все зубы, как о человеке, лишенном зрения. Эти же сведения можно встретить и в преданиях.

Мне, наверно, не удалось бы так быстро справиться со своей задачей без дружного коллектива помощников из числа местных жителей. Знаю о моих прежних работах по восстановлению внешнего облика Улугбека, Тимура и других видных исторических деятелей древнего Востока, они оказывали мне всестороннее содействие в розыске могилы Рудани.

— Как вам удалось ее найти?

— Известно, что Рудани похоронен на родине, неподалеку от древнего города Пенджикента. Указывалось множество мест его захоронения, но из всех могил только три казались наиболее достоверными — они находились в горном кишлаке Панджруд. К моему счастью, две из них оказались уже раскопанными

Е. ЛОПАТИНА
СТАЛИНАБАД (Наш корр.)

Десять лет назад художники из Подгруппового комитета Первого Всемирного фестиваля молодежи и студентов повесили над входом в свою мастерскую также извещении: «Просим сильное извещении: когда вошла в художественную мастерскую Советского подгруппового комитета. Часто и громко хлопали двери, люди спорили, советовались, куда-то уходили и снова приходили, а когда изредка наступала тишина, она казалась оглушающей — слышно даже было, как акварельная кисть шуршит по бумаге.

Вот здесь в канун Нового года мне удалось, наконец, увидеть один из интереснейших «секретов» мастерской — улицу Пяти фестивалей. Она появится в Москве в будущем году, в день открытия VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов. Пока же эта улица хранится в огромных папках.

Через полгода она раскинется на пути к Центральному стадиону имени В. И. Ленина, вдоль всей Большой Пироговской улицы. Ее художники решили разделить на пять частей — этапов фестиваля: «Прага», «Будапешт», «Берлин», «Бухарест», «Варшава».

Так мы сможем наглядно познакомиться с историей самого фестиваля.

Итак, переберемся в августовские дни 1957 года. Начнем осмотр улицы Пяти фестивалей с ее практической части. Она начинается у высокой металлической Башни, очень напоминающей старинные башни чешской столицы. Асфальт мостовой покрыт узорами практической цветной брусчатки. Над островками шпалем полосу на ветру флаг первого фестиваля. С фанерных столбов свисают белые вымпелы. На них Снейбл и Гурилик — традиционные герои чешского кукольного театра — расквашивают о событиях первого фестиваля. Вот Снейбл посылает мяч в ворота Гурилика, рядом надписи: «На Празднике фестивале было забито столько-то голов», Гурилик и Снейбл присутствуют на встрече чехов, китайцев и негров, маршируют по полю стадиона...

«...Мы закрываем папки с эскизами улицы Пяти фестивалей. Еще до того как Большая Пироговская станет фестивальной улицей, в этих папках появится много новых планов, эскизов. Мало ли какие чудесные вещи могут создать наши художники.

В их мастерской громко хлопают двери, люди спорят и советуются, и это не мешает им придумывать самые интересные и занимательные вещи.

А вот голубоватый, прозрачный, как вечернее небо, перус с клузотом будапешта — он перекинут с одной стороны улицы на другую. На перусе написано по-венгерски «Будапешт». Вдоль правого тротуара — фототрипы снимков, сделанных во время второго фестиваля. На левой стороне улицы, на решетке бульвара — цветные панно на ту же тему.

Берлинский отрезок начинается у огромного строительного крана — символа строящегося Берлина. Берлин поразил участников третьего фестиваля именно размахом своих строек.

На снимках — эскизы оформления улицы Пяти фестивалей работы художников Е. Моница, А. Савина, В. Лосина, О. Царяпина.

На книжной полке

Феликс Дзержинский ДНЕВНИК И ПИСЬМА
«Молодая гвардия», 1956

В писем пламенного рыцаря революции Феликса Дзержинского. Написанные в самые тяжелые минуты жизни, в мрачных казематах царских тюрем, его дневниковые записки и письма родные — это как бы исповедь борца.

Все в нем прекрасно — и мысль, и чувства, и отголоски минувшего, и мечты о будущем. Читая эти человеческие документы безотрывно, строка за строкой — и перед тобой встает образ бесстрашного коммуниста.

«Быть светлым лучом для других, самому излучать свет — вот высшее счастье для человека, каково оно только может достигнуть. Тогда человек не боится ни страданий, ни боли, ни горя, ни нужды. Тогда человек перестает бояться смерти, хотя тогда и тогда он научится по-настоящему любить жизнь», — писал Ф. Дзержинский родным из Варшавской цитадели в 1913 году. В другом письме говорится: «...силы духа у меня хватит еще на тысячу лет, а то и больше... Я и теперь в тюрьме вижу, как горит неугасимое пламя: это пламя — мое сердце и сердца всех моих товарищей, терпящих здесь муки».

нские строки, в которых выражен весь облик Дзержинского: «Я не умею наполнору ненавидеть или наполнору любить. Я не умею отдавать лишь половину души. Я могу отдать всю душу или не дам ничего».

Почти четверть своей жизни — однадцать лет — Дзержинский томился в тюрьмах, на каторге, в ссылке. Характерная запись в дневнике, сделанная в канун 1909 года: «Сегодня — последний день 1908 года. Пятый раз я встречаю в тюрьме Новый год... В тюрьме я созрел в муках одиночества, в муках тоски по миру и по жизни. И, несмотря на это, в душе никогда не зарождалось сомнение в правоте нашего дела... Здесь, в тюрьме, часто бывает тяжело, по временам даже страшно... И, тем не менее, если бы мне предстояло начать жизнь сызнова, я начал бы ее так, как начал».

Туремный дневник Ф. Дзержинского стал острейшим оружием в годы революционной борьбы: он переправлялся на «воле» и был опубликован в нелегальном марксистском журнале.

Письма Ф. Дзержинского к родным, собранные в книгу, охватывают большой период — с 1898 по 1917 года. Многие из них написаны в тюрьме. Читая их, поражаешься исключительной чистоты натуры Ф. Дзержинского, удивительной его стойкости, его неустрашимой вере в революционное дело. Не могут не волновать письма Ф. Дзержинского к сестре, которая очень ждала брата. С таким достоинством и гордостью, с каким терпением и тактом отвечал ей юный Дзержинский! Он объяснял сестре, что революционер не нуждается в жалости, что тюрьма страшна лишь для тех, кто слаб духом, что он гораздо счастливее тех, кто на «воле» ведет бессмысленную жизнь: «Правда, мало кто завидует нашей участи, но мы, видя светлое будущее нашего дела, видя и созная его мощь, созная, что жизнь избрала нас борцами, мы, борясь за это лучшее будущее, никогда не сменяли бы своего положения на мешанское прозябанье». В другом письме сказано: «...жизнь может меня лишь уничтожить, подобно тому, как буря валит столетние дубы, но никогда не изменит меня. Я не могу ни изменить себя, ни измениться».

Таким и прошел всю жизнь Феликс Дзержинский, негибаемым, сильным борцом... А сколько было в нем чистых, нежных чувств! «Без любящих сердец, без мечтаний я не мог бы жить. Не могу пожаловаться, я имею и то и другое», — замечает Дзержинский в одном из писем. Может быть, самыми трогательными являются строки его писем, обращенные к сыну, которого Дзержинский не видел до семилетнего возраста. Много советов дал он жене по его воспитанию. «Не тепличным цветом должен быть Яс. Он должен... быть способным к борьбе во имя правды, во имя идеи. Он должен в

душе обладать святыней более широкой и более сильной, чем святое чувство к матери или к любимым, близким, дорогим людям. Он должен суметь полюбить идею, — то, что объединит его с массами, то, что будет озаряющим светом в его жизни».

Сердце коммуниста, благородное, чистое, мужественное сердце бьется в каждой строчке этой книги. И невольно вспоминаются слова Маяковского:

Юноше, обдумывающему жизнь, решающему, сделать бы жизнь с кого, скажу, не задумываясь: — Делай ее с товарища Дзержинского
К. ПЕТРОВ

СЕМЬЯ ЗАЛОМОВЫХ
Сборник воспоминаний документов
«Молодая гвардия», 1956

Однажды на уроке литературы в 10-м классе одной из московских школ ученик задал вопрос: А что стало потом с Пелагеей Нилонной и Павлом Власовым? Молодежь учительница не знала, как точно ответить на вопрос. Чтобы скрыть свое смущение, она официально, казенным тоном сообщила, что работнич, являвшаяся прообразом Власова, как это и подобает настоящему большевину, продолжал революционную борьбу и после. Его мать — тоже. Но столь общие фразы ребят, конечно, не удовлетворили. Не удовлетворили они и самое учительницу.

Молодая преподавательница литературы. Поэтому такая учительница, а вместе с ними и самые широкие круги читателей с радостью встретят книгу чтеателей с радостью встретят книгу «Семья Заломовых», вышедшую в 1956 году издательством «Молодая гвардия». В книгу эту вошли воспоминания Петра Андреевича Заломова, его матери Анны Кирилловны сестры Петра Андреевича — Варвары Андреевны, а также ряд материалов о П. А. Заломове. Читатель с большим интересом следит за дальнейшей судьбой Павла Власова — Петра Заломова и Нилонны — Анны Кирилловны.

Образы горьковских героев делаются еще ближе, еще реальнее от сознания, что мать и сын Заломовы — наши современники. Не могут не волновать слова Анны Кирилловны, обращенные к нашей молодежи:

«Дорогие товарищи, вам, молодым в сильном, достанется и досталось уже то счастье, за которое боролись тысячи революционеров, гибли в ссылках, мерли в острогах, падали под пулями жандармов.

Берегите советскую власть! Крепко стойте за рабочее дело. И сегодня я с гордостью матери рабочего скажу: то красное знамя, которое нес мой сын Петр Заломов, с древна не сорвано: под знаменем этим мы шли от победы к победе и, я верю твердо, придем к полному торжеству коммунизма!»

«Воспоминания» П. А. Заломова как бы продолжают и дополняют воспоминания младшей сестры Заломова — Варвары Андреевны, а также письмами и документами, включенными в сборник. Из них читатель узнает о его победе на острове, о пестербургском подполье, о барнакльских боях 1905 года на Пресне в Москве, о деятельности Заломова в годы реакции и в годы гражданской войны.

Как уже отмечалось, воспоминания Заломова выходят далеко за пределы чисто биографические. То не самое надо сказать о документах, собранных в книгу. В первую очередь это относится к материалам ленинской «Искры». Дополняя биографию Заломова, они характеризуют деятельность нижегородской большевистской организации, показывают внимание, которое уделял Центральный Комитет партии этой организации.

Из других документов этого раздела очень интересны письма П. А. Заломова А. М. Горькому, свидетельствующие о крепкой дружбе рабочего-революционера с великим пролетарским писателем, а также переписка Заломова о молодежи.

Трудно переоценить познавательное и воспитательное значение этой книги.

Юрий ДМИТРИЕВ
А. Ильянов
ЖИЗНЬ ВОЛГИ
Горьковского книжного издательства, 1956

БЕЗ ГЛАВНЫХ ПРОБЛЕМ

(С пленума правления Союза писателей Казахстана)

Руководители Союза писателей Казахстана решили создать пленум правления союза, посвященный проблемам современной казахской поэзии. — и это, безусловно, было решение правильное, хотя скорее запоздалое, чем своевременное. Казахская поэзия, имеющая давние прекрасные традиции и большие художественные достижения, в последние годы показала лишь количественный рост. Появилось много разнообразных стихотворных циклов, много поэм и даже романов в стихах. Но для этого потока, к большому сожалению, характерны многословие, риторичность, неумение решать взятые темы поэтически сильно, своеобразно, завлочно, неумение так откликнуться на важнейшие события в жизни республики и всей Советской страны, чтобы «заговорить жечь сердца людей». Казахстан переживает период невиданного расцвета — республике непрерывно растет огромный размах и силы индустрия, подняты миллионы гектаров целины, привнесены стране в нынешнем году миллиарды пудов хлеба, в радостном целеустремленном движении и развитии. А поэзия — по силе своей, по значению своему, по своему месту в духовной жизни республики — все та же. Иначе говоря, современная казахская поэзия заметно отстает от требований жизни. Есть и казахской поэзии опытные, широко известные мастера, есть хорошие молодые пополнения. А поэтический произведений большой мысли и страсти пока нет.

Вот почему решение о созыве пленума было правильным. Однако, для того чтобы пленум принес хорошие результаты, нужно было точно определить его задачи, тщательно и продуманно готовить его. Такой подготовки, к сожалению, не было, и это сказалось прежде всего на качестве докладов, а затем почувствовалось и в ходе прений. Это тем более печально, что все результаты плохой подготовки пожинали и начинающие писатели из всех областей Казахстана, приглашенные на республиканское совещание молодых и присутствовавшие на пленуме.

Открывая пленум, М. Ауэзов отметил, что в последнее время усилились нападки буржуазных идеологов на идеологическую основу советской литературы, утилитарные попытки опровергнуть социалистический реализм, отожествить его с бесконфликтностью, ложью, лакировкой в литературе. Обсуждая состояние казахской поэзии, сказал далее М. Ауэзов, мы должны понимать, как необходимо отстоять то, что написано на знамени нашего искусства, — его партийность, народность, служение делу коммунизма, интернационализм. С этих позиций мы и должны рассмотреть на пленуме конкретные задачи нашей поэзии.

Казалось бы, докладчики должны были сосредоточить внимание на проблемах именно на этих вопросах, подняв на анализ казахской и русской поэзии в Казахстане и оценке отдельных произведений. Но этого как раз не хватало докладу А. Тажибаева «О состоянии современной казахской поэзии в свете решений XX съезда КПСС» и — в еще большей степени — докладу Д. Снегина «О состоянии русской поэзии в Казахстане».

Первая часть доклада А. Тажибаева, где он намеревался характеризовать современный казахской поэзией путь и ее нынешнее состояние, отличалась, к сожалению, неопределенностью, содержала нечеткие формулировки и не могла ориентировать слушателей на глубокий принципиальный разговор, ибо не вызвала беспокойства поведением дел, не ставила перед поэтами четких и неотложных идеологических задач.

Перечислив несколько новых поэм, созданных после XX съезда КПСС, докладчик оценил их как несомненный успех казахской поэзии, как произведения, отвечающие ожиданиям читателей. Подробно говорил А. Тажибаев о поэмах «Песня о песне» Ж. Молдагалеева и «Я буду жить» Т. Бердиярова. Он высказал несколько интересных мыслей и замечаний по поводу этих произведений, но не связал свои мысли и замечания с большими проблемами всей казахской поэзии. Таким же был и обзор лирических произведений. А. Тажибаев резко критиковал казахских поэтов, пишущих об освоении целинных земель, хотя и много, но слабо, недостаточно, обобщающе. Много места докладчик уделил анализу интимной лирики. Он справедливо упрекал казахскую поэзию в почти полном отсутствии гражданской лирики большого звучания, в слабости поэтической сатиры, затронул и вопросы поэтической техники. Но все это прозвучало именно как обзор, как сумма примеров, недостаточно увязанных между собой и не сопровождаемых должными обобщениями и выводами.

Еще более поверхностно анализировал творчество русских поэтов Казахстана Д. Снегин, хотя материал, использованный им в докладе, давал возможность для серьезных выводов. Д. Снегин этих возможностей не использовал, а выступавший воспедал в бессмертных стихах, песнях, легендах и сказаниях, дорога сердцу каждого русского человека. Вот почему с некоторой робостью берешь эту книгу: а что нового может сказать автор о Волге?

Книга А. Клыкова — это не монография, не научное исследование. Это — очерк. Написанная с глубоким знанием истории, настоящего и будущего Поволжья, книга содержит множество интересных фактов из жизни Волги, привлекательных фактов и селений. Читатель как бы вместе с автором, много влюбленным, умеющим хорошо рассказывать, совершает путешествие по Волге — от самых верхних ее, где серый аялм до впадения великой реки в Каспий. Совершив это путешествие, читатель узнает очень много из жизни самой реки, из истории заселения Поволжья, о легендах, связанных с Волгой.

На Волге нет, наверно, такого утеса, городка, селения, чтобы оно не было овеяно народными преданиями. Очень хорошо поступил автор, что в своей книге он собрал множество этих легенд, раскрыл их поэтическую сущность. Особенно запоминаются легенды о клде Жигулевских гор, о городе Васильсурске и многие другие.

Особое место в книге занимает история промыслов Поволжья. «Лучшими плотниками были угличане, — пишет автор, — а жители Гордоды — непревзойденные плотники. Они выработали такую прочную и цветистую деревянную посуду, что за ней в Нижний на ярмарку приезжали бурхачи, козанджи, казахи и нархачат брали расписные и белые блюда, плошки и чашки».

Города и села Поволжья издавна славились гончарями, ирчушниками, кружевниками, художниками, расписывающими по тканям, замочниками, делающими замки для сувалков «со звоном» и «без звона», мастерами, выделывающими из металла ножицы, вилки и ложки.

В прениях поэт И. Захаров не без основания избрал довольно деструктивную форму критики в адрес докладчика — он прочел стихи, пародирующие метод анализа, примененный Д. Снегиным:

Поэмы нет, как таковой,
и в этом —
промах роковой.

А в целом —
нужная поэма:
взята в ней важная проблема!..

Многие из выступавших в прениях к докладу отнеслись критически. Поэт Т. Жариков сказал, что доклад А. Тажибаева, несмотря на обилие примеров, оставляет чувство неудовлетворенности. По мнению Т. Жарикова, докладчик неправомочно обобщил молчаливое творчество нескольких знаменитых поэтов. Д. Абляев упрекнул А. Тажибаева в недостаточной широте постановки вопросов мастерства. Эта же мысль нашла выражение в выступлении молодого поэта Е. Ибрагима, который подчеркнул, что глубокий анализ произведений поэтов старшего поколения, несомненно, был бы полезен для литературной молодежи. Литературовед Е. Исмаилов, одобряя объективный, по его мнению, тон доклада, заметил, что А. Тажибаев ничего не сказал о творчестве современных народных акынов, тогда как изучение творчества этого отряда казахской поэзии ведется плохо, внимания акынам уделяется весьма мало. Кстати, один из крупнейших казахских акынов Омар Шипин, выступив на пленуме, поставил вопрос о неумении на народном поэтам очень остро. «Народных акынов много в наших аулах, — сказал О. Шипин. — Их песни слушает народ, народ уважает их, а здесь их забывают!»

Доклад Д. Снегина критиковали поэты А. Лемберг и Ф. Моргул. Они оба упрекали докладчика в том, что работу русских поэтов Казахстана он осветил неполно, задачи и тенденции развития русской поэзии в республике не раскрыл.

К сожалению, вся эта критика докладов носила, по сути дела, частный характер, а те, кто отмечал отсутствие в докладах больших проблем, не предложили действительно обобщенного анализа того или иного жанра казахской современной поэзии, не дали глубокой оценки творчеству казахских или русских, молодых или опытных поэтов.

Нельзя сказать, чтобы на пленуме не затрагивались и существенные для казахской литературы вопросы. Т. Алимулов говорил о творческом использовании народной поэтической традиции, критиковал казахских поэтов за слишком пошлые и нетворческие, эпигонские отношение к формам русской поэзии, в частности к поэтике В. Маяковского. С хорошим знанием дела, хотя и несколько академично, выступил по вопросу о национальной казахской системе стихосложения литературовед З. Ахмедов. А. Темиргалиев предвещал серьезные угрозы казахской критике, которая, на его взгляд, мало и плохо, а иной раз просто неправильно пишет о творческом своеобразии поэтов. О форме казахского единичного стиха, о недостаточном использовании ее богатых возможностей сказал поэт Д. Еркимбаев.

Однако эти выступления, вполне естественные, не могли возместить коренных недостатков докладов, не могли ответить на вопрос, сформулированный в названии основного доклада: «О состоянии современной казахской поэзии в свете решений XX съезда КПСС».

На пленуме выступили также литературоведы М. Сармурыза, М. Каратаев, Б. Шалабаев, А. Жовтис, писатель З. Шахин, угурский поэт И. Бахтияр, московские литераторы П. Скосарев, А. Яшин, З. Кедрина.

Непродуманным было выступление молодого поэта В. Антонова, который, правильно признавая вытравлять из литературы фальшь и лакировку, говорил об этом, однако, так, словно в прошлые годы правды в искусстве вообще не было.

Пленум привлек внимание литераторов к некоторым существенным для казахской поэзии вопросам. Но он не стал тем, чем должен был стать, — большим событием, значительной вехой в жизни писательской организации Казахстана. Каков качественный итог всего созданного казахскими поэтами после XX съезда КПСС, что предстоит им сделать в будущем, — на эти вопросы пленум не ответил. Не случайно во многом неудовлетворительным оказался и проект резолюции пленума, не содержащий направляющих работу казахских поэтов определений, оценок и указаний. Президиум правления Союза писателей Казахстана будет еще дорабатывать и совершенствовать эту резолюцию.

Пленум одобрил Г. Мустафина, по его просьбе, об обязанности председателя правления Союза писателей Казахстана. Председателем избран Г. Мурсыпов. АЛМА-АТА. (Наши спец. корр.)

А. Клыков описывает также историю становления русского речного флота, в развитии которого Волга занимает большое место.

Книга А. Клыкова написана с любовью к великой реке. Нельзя спойноно, без волнения читать страницы, на которых автор описывает уничтожение природных богатств Волги.

«Шли годы, — пишет А. Клыков, — Заселился острова, вырубался вокруг селений высокий тростник — топливо здешних мест...»

С каждой весной все реже и реже стали появляться здесь краснокрылые фламинго, пеликаны и красивые белоснежные цапли...

В обильные зимние месяцы прекратилось спокойствие пустыни. Терялась красота дельты, тускнели яркие краски, исчезали розовато-белые поля лотоса, умолкал веселый шум птиц, пустыли глубокие воды».

Как известно, в низовьях Волги давно уже существует заповедник. Но за пределами этого заповедника продолжается описанный автором процесс уменьшения природных богатств, особенно рыбы.

Автор книги — старший рабочий рыбного хозяйства — не мог не знать этого. К сожалению, в описании будущего рыбного хозяйства великой реки А. Клыков отделяется лишь идиллическими картинками.

В целом же книга «Жизнь Волги» — хороший подарок нашим краеведам, любителям родного края, молодежи, совершающей путешествия.

Следует отметить инициативу Горьковского книжного издательства, выпустившего эту книгу. Она любовно иллюстрирована фотографиями, рисунками, копиями с карт, схемами. Несомненно, «Жизнь Волги» будет интересна и читаема всеми, кто любит природу нашей Родины и ее гордость — Волгу.

С. КРУТИЛИН

С ЛЮБОВЬЮ К ЧЕЛОВЕКУ

60-летие Н. Емельяновой

Х УДОЖЕСТВЕННЫЙ образ создается по-разному. Один писатель увлекается бытием красок, широтой маза, «грубой, зримой» обильностью написанного. У другого — законченная картина складывается из неприметных на первый взгляд черточек, тонких штрихов. Но они бывают настолько выразительны, несмотря на свою лаконичность, — а может быть, именно благодаря ей, — что жизненная объемность вырисовывается ее этими деталями.

Вот только два черта поведения молодого ассистента знаменитого хирурга: «Когда он вошел в переднюю и, сняв военную фуражку, подал ее швейцару, он внешне заметил, как пожело его у него вышло на обычную, слегка небрежную манеру самого Петра Александровича. Ему показалось это смешным. Он покраснел...» После этого не нужна, пожалуй, «объясняющая» авторская фраза: «Личное обаяние знаменитого хирурга было таково, что почти все молодые, начинающие работать с ним врачи проходили через эту стадию внешнего подражания». Первый эпизод позволяет догадаться о силе обаяния хирурга Петра Александровича. И этого достаточно. Так начинается повесть Н. Емельяновой «Хирург». И что бы ни создавала писательница — «спиритоведческие» ли книги, рассказы и повести о войне или о мирной жизни, повесть ли о детях и для детей, — везде видно своеобразие ее творческого почерка.

В чем это своеобразие? Если сказать «большое в малом», то будет слишком «мало», а то и просто неверно. Действительно, Н. Емельянова подмечает почти неумимые движения человеческой души, выводит неприметные черточки в жизни и поведении людей, но это не исследование под микроскопом. «Большое не в этом «малом», а за ним. «Малое» — не самоцель, это лишь часть «большого», сложной человеческих отношений, суровой, трудной жизни. Н. Емельянова умеет через часть раскрыть целое. Эта черта ее дарования особенно ясно чувствуется, когда она пишет о войне.

Хотя действие рассказа «Четыре весны» развернуто в четырех стенах одной из московских квартир, однако здесь хорошо переданы драматизм и напряженность военного времени. Внешние «бытовые» рамки повествования не делают сюжет только обтекаемым грозных военных событий. Война прошла «насквозь» через жизнь всей страны, каждого человека, всколыхнула всех. Пришла она и в квартиру нового дома на Можайском шоссе.

Если попытаться точно определить главную сюжетную линию рассказа «Четыре весны», то можно сказать, что это судьба Полины Сергеевой — красивой женщины, хорошей жинки и хорошей матери. Жизнь Полины меняется: уходит на фронт муж, умирает отчим, сама она вынуждена идти на нежные, холерных руках. Но не только так — внешне — изменилась жизнь Полины. Она сама переживает внутреннее перерождение — становится более самостоятельной, мужественной, смелой. А вернее, это даже и не перерождение: именовалась жинкой, человек же остался самим собой, только жизненные изменения раскрыли в нем новые качества, которые до сих пор не имели возможности проявиться. Пусть поблекла яркая внешность Полины, но ярче раскрылась ее человеческая душевная красота. Приехал с фронта друг Сергеевых — «дядя Сама» и не узнал сразу Полину, но это-то и было хорошо: «Если бы он встретил нарядную, красивую Полину, это было бы нечестно и бесцельно для нее. Увидев ее лицо, ее руки в модалах, он сначала не понял, как это могло случиться именно с Полиной, но такая — с ее заботой о детях, фабрикой, докторством, огородом — она была на месте. В ней, красивой, он не ошибся».

З. ФИНИЦКАЯ

«Война — это когда все «переворотилось», когда ломаются человеческие души и человеческие судьбы, когда умирают и страдают люди, когда разрушаются дома и жизни. Это понимает Полина. Она говорит: «Будет не просто продолжаться прежнюю жизнь». Это понимают многие герои Н. Емельяновой. Писательница нигде не сбивается на обличительное изображение влияния войны на жизнь людей. Даже воспоминание о современном подвиге — это не бездумное любование своим героизмом. Подвиг труден. Боец Калининский, человек, победивший танк в единоборстве, на вопрос, страшно ли ему было, просто отвечает: «А то нет? Еще как страшно-то». Но тем и велик героизм простых советских людей, подчеркивает это Н. Емельянова, что он складывается из преодоления множества трудностей, в том числе и из победы над собственным страхом.

Писательница вообще свойственно умение рисовать сложность переживаний, сложность внутреннего мира человека. Трудно, как бы ошущию иуд в подвигу друг друга мастера Ната и молодой врач Семен Иванович в повести «Хирург». Серьезные разногласия, частые разногласия, холодность Наты — не есть что более глубокое в их отношениях, что не всегда можно назвать, но что чувствуется в повествовании. Это «подтекст», который так же согревает слова героев, как настоящее человеческое чувство освещает ничего не значащие фразы, составляя их говорить о большем, чем они сами говорят.

Не только о людях и их чувствах с большим теплом пишет Н. Емельянова. Так же она пишет и о природе. Здесь, пожалуй, главное даже не в прекрасных описаниях дальневосточных и сибирских пейзажей, а в том особом отношении к природе — к деревьям, животным, камням, — с которым это все написано. Писательница в молодости работала геологом. Она с рассказом за плечами ископала те места, которым посвящены ее книги «В Уссурийской тайге» и «Заманщина». Отсюда, возможно, и возникает у Н. Емельяновой то чувство хозяина, с которым она относится к природе. Это чувство — во всем. В том, с каким волнением говорит писательница о богатствах Сибири, как она пишет о бесконечной тайге. И даже в том, что большого полова, поселившегося в дупле недалеко от жилья работников заповедника, она называет «наш полов».

Поэту понятно та боль, которую вызывает у Н. Емельяновой бесовство, хищническое отношение к природе. В «Заманщина» есть прекрасный образ. Среди «промышленного» кедровника, с которого добывают шишки с вкусными орехами, растет огромный кедр — «величавое дерево необыкновенной пропорциональности, одетое ветвями с самого низа до круглой дымящейся макушки». И его безобразно и беспощадно обрубали с одной стороны на растопку, несмотря на то, что оно защищает стоящую рядом избушку от ветра... Писательница вневольно эта бессмысленная жестокость: «Как бы хорошо было, если бы каждый человек у нас стал разбираться с полной справедливостью в своем хозяйстве: щадил бы дерево за то, что оно защищает его дом от ветра, за его плодородность и величие...»

Творчество Н. Емельяновой многообразно по тематике. Много разных людей с интересными судьбами проходит по страницам ее книг. Много непохожих пейзажей раскрывается под ее пером. Но все это творчество пронизано чувством человечности, пристальным вниманием к тому «малому» в жизни, без чего не существует «большого».

З. ФИНИЦКАЯ

СПАСИБО, ДРУЗЬЯ!

Л. РЕММЕЛЬГАС

Мы прожили в Москве десять лет. Более полутора тысяч писателей, художников, композиторов, музыкантов, певцов, актеров, участников художественной самодеятельности приехали в гости в Москву, чтобы показать то лучшее, что создано эстонским искусством за последние годы.

Нам хотелось показать на декаду лучшие наши произведения и услышать о них мнение друзей.

Это мнение было высказано на творческих обсуждениях, проведенных во время декады. Нам было очень приятно слышать, что все те книги, которые пользуются заслуженной любовью у нас в республике, были высоко оценены и на этих обсуждениях. Такое совпадение мнений не может не радовать. Как писал Лев Толстой, «настоящее произведение искусства делает то, что в сознании воспринимающего унычивается разделение между ним и художником, и не только между ним и художником, но между ним и всеми людьми, которые воспринимают то же произведение искусства».

А обсуждающие называли в числе лучших наших произведений «Берег ветров» А. Янита, «Сердца молодых» Э. Юрстена, «Красные гвоздики» И. Семпера, «Письма из деревни Сингелата» Ю. Смуула, стихи Д. Ваарана, П. Парве, В. Безкмама и др. Это все те книги, которые наиболее любимы и в Эстонии.

Но дело не только в похвалах: прежде всего мы хотели услышать честное и открытое мнение о своей работе. Поэтому нам пришлось по душе обсуждение детской литературы, прошедшее под председательством С. Михалкова, хотя там нашим писателям пришлось услышать немало горьких слов. Порадовало нас и обсуждение газеты наших творческих союзов «Сирп я васар», прошедшее в редакции «Литературной газеты». Нам было страшно видеть, что «Сирпя» сумели разоблачить в основных тенденциях искусства об оценке литературного наследства, проведенной газетой «Сирп я васар», и что они нашли эту дискуссию, несмотря на некоторые ее недостатки, полезной и своевременной.

Может быть, обсуждение нашего сборника критических статей, изданного в декабре, было несколько малолюдным, но важно уже то, что такое обсуждение состоялось. Критика, дело которых оценивать новые явления в литературе, реже других слышат мнение о своей собственной работе (может быть, это и есть одна из причин их постоянного отставания). Пожалуй, после прозвонков наибольшего количества добрых слов было сказано как раз нашим критикам, и они их, думается, заслужили.

Но не только профессиональные писатели поделились с нами своим мнением о нашей работе. Мы услышали и мнение массового читателя: по роману И. Семпера «Красные гвоздики», роману Г. Лебенека «Капитан» и поэме Ю. Смуула «Я — комсомолец» были организованы московскими библиотеками читательские конференции. В устных выступлениях надо добавить и те многочисленные читательские письма, которые получили наше эстонское издательство. Читательские выступления бывают не всегда достаточно квалифицированными (хотя многие из них могут вызвать зависть у любого критика), но важнее прежде всего живой и неподдельный интерес русского читателя к нашей литературе.

Главной формой непосредственного общения с читателями были на декаде ли-

тературные вечера, прошедшие на заводах «Компрессор» и имени Лихачева, на Красноярском механическом заводе, в колхозе «Новая жизнь», в Доме культуры гор. Загорска, среди студентов МГУ и т. д. Тут нашим главным боевым отрядом были поэты: у нее есть большое преимущество, она легче слушается, чем проза. И надо сказать, что чтение стихов перед новой аудиторией было хорошей школой для наших поэтов. Это чтение помогло им лучше понять, чего ждет от них читатель, всякое горячее слово вызывало в зале самый лучший отклик, зато риторика (а она, увы, тоже была) встречала в лучшем случае вежливое молчание. И еще — это непосредственный разговор с читателем заставляет поэтов внимательней прислушиваться к качеству переводов их произведений: ведь обидно было чувствовать, что явно хорошие стихи не доходят до русского читателя так, как до эстонского. И наоборот, какое удовлетворение вызвала «чистая» работа поэта-переводчика, благодаря которой у эстонского поэта возникало ощущение прямого контакта со слушателем.

Надо, однако, сказать, что до тех пор, пока не будет практически решено, как мы сможем знакомить наших слушателей с прозой, не злоупотребляя чрезмерно их вниманием, до тех пор эта форма пропаганды нашей литературы — литературные вечера — будет все-таки несколько неподходящей. Ведь, в самом деле, странно, что именно те прозаики, имена которых мы с гордостью называли во всех статьях и докладах, оказались тут как бы в стороне: на литературных вечерах они не выступали.

И нам следует подумать не только об этом. Надо подумать о том, чтобы знакомство советских людей с культурной жизнью республики приняло более регулярный характер. Нужен театр народной СССР в Москве, где могли бы постоянно гастролировать наши лучшие национальные театры. Нужно чаще обсуждать крупнейшие явления национальной литературы — в местах, в республиках и в Москве. Если мы осуществим все это, то может быть, придет и к какой-то новой форме декад, которые, честно говоря, несут сейчас несколько прозаичный характер. На декаду в основном пропала бы парадность (в плохом смысле этого слова), но в такого рода сматрах трудно, хотя и хотелось бы, ее избежать полностью.

Думается, что не надо уподоблять декады ярмаркам, у посетителя которых настолько разбегаются глаза, что он уже не может понять, что стоит его внимания, а что нет. Может быть, нашему драматическому театру имени Кингисеппа и театру «Ваневский» было бы разумнее показывать москвичам свои спектакли не одновременно, а попеременно? Может быть, наша художественная выставка, на которой особые почести москвичей стянула графиня, собрала бы больше посетителей, если бы одновременно с ней не были открыты выставка полиграфии и прикладного искусства Эстонии?

Все это вопросы, над которыми надо серьезно подумать. Многие национальные советские культуры настолько выросли, что провести более или менее полный и достаточно серьезный их обзор в десять дней уже вряд ли возможно.

Мы необычайно признательны всем тем москвичам, Ленинградцам, украинцам, белорусам, литовцам, которые приняли участие в обсуждении наших новых произведений, в проведении вечеров и конференций. Мы благодарим их за помощь, за добрые и нелицеприятные оценки нашего творчества. И мы просим их подумать вместе с нами, что нужно предпринять, чтобы впредь мы могли не только на декадах, но и изо дня в день следить за успехами друг друга, помогать друг другу.

роль песни — ученики сельской школы — еще очень юны, но и уже теперь почти каждый из них — человек, чье мироощущение, жизненное поведение формируются на наших глазах. Все эти мальчишки, озорные или мечтательные, упорные или бесповедливые, трудолюбивые или легкомысленные, — живое будущее народа. Режиссеры, увлеченные нестройной и динамичной созданием ими зрелища, при этом позабывают о укреплении социальной направленности повести Лутса, подчеркивая то мучительное неравенство, которое так влияет на самозанятие ребят.

Добродушно и самоодовольно взирал на мир ленивый красавчик Имелья (его играет Фрих Яансоо). Ему, сыну козлея богатого хозяйства, можно все — и сорить деньгами, и бездельничать, и ковылять со своими гусями из школы в школу. А вот его «найка» — маленький Куспап (артистка Сальме Реек) рано, слишком рано стал взрослым. Этот худенький молчаливый батрачок в школе недолгий гость, — придет весна, и Куспапу снова придется пасти скотину, кормить семью живущую безработою и скучно... Тооте — Яанус Ортулас и Кийр — Фрих Абелл действуют на сцене, не боясь преувеличений. Именно эти герои — один неунымый озорник, другой ханжа и ябеда — без конца попадают в самые рискованные переделки. И если Тооте — прямолинейный и горячий, то тедущий и долгозвонкий тихоня Кийр — надежный наследник своих богатых чванливых родителей.

В этом спектакле групповой портрет ребят не самоцель. И здесь чуть суматошная смена коротких эпизодов объединена мыслью о том, что жизнь, в которой так сладко Имельякам и так горько Куспапам, должна быть и будет изменена.

Мы рассказали лишь о трех спектаклях Таллинского театра из числа пяти, показанных в дни декады. Их удачи — это во многом удача режиссерских решений. Благоприятная привычка коллектива в ансамбль, желание актеров следовать глубококому и интересному режиссерскому предначертанию — все это требует от постановщика особой чуткости. В этом театре режиссеры слушают. Ему верят. И если тот, кто строит спектакль, кто ответствен за образное решение, может доверие оправдать, если он умеет одухотворить труд коллектива сильной и точной мыслью, — успех обеспечен.

В. ШИТОВА

Театр высокой культуры

Десять дней Таллинский государственный драматический театр имени В. Кингисеппа был хозяином сцены московского Малого театра. Он отчитывался перед искусственной столичной публикой. Но его искусство по самой своей сути чуждо декадальной парадности. Именно поэтому не может быть сомнений в том, что у себя дома, в Таллине, театр играет так же, как играл в Москве, в праздничные дни декады. Он показал себя таким, каков он есть.

Во главе Таллинского театра имени В. Кингисеппа стоит Ильмар Таммур. Целеустремленная воля, крепкая логика общего замысла и при этом полное уважение к индивидуальному творчеству актера — вот характерные черты его режиссерского облика. Отсюда и то ощущение продуманности, которым так привлекают спектакли кингисепповцев. Таммур может порой предложить такое прочтение, которое не совпадает с авторским заданием. Но он всегда делает свое дело ответственно. Поэтому можно спорить с самим замыслом, но внутри сделанного спорить куда труднее.

Когда мы увидели в Театре имени В. Кингисеппа трагедию Шекспира «Антоний и Клеопатра», мы убедились: без этого спектакля список удач нашего театра в его работе над Шекспиром будет неполным. И что примечательно: успех эстонской постановки еще раз подтверждает, что театр, обращаясь к Шекспиру, добивается успеха, когда не равняется на прежние эталоны.

Таммур вступил в спор с теми представлениями о позднем шедевре Шекспира, которые зацелили его в разряд произведений, окрашенных тревожными тонами «заката» и омраченных чуть ли не декадентскими теньями. Он ставил «Антония и Клеопатру», связав концепцию спектакля с самыми коренными, с самыми вечными проблемами всего шекспировского творчества. Так, главным в спектакле стало открытое противопоставление мира души Антония преземному, расчетливому и бескрылому Риму. Так, вместо прямой, изысканной истории всепоглощающей страсти римского триумвира к царственной блуднице на первый план выступила трагическая гибель великой человеческой любви с силами мертвящего духа государственного правопорядка. И Каарел Карм — Антоний, и Айно Тальви — Клеопатра, и особенно Антс Эскола — Октавий — все это Шекспир. Но Шекспир, прочитанный по-своему.

Все в красочном, пластическом, музыкальном решении трагедии подчинено ре-

жиссерскому замыслу Таммура — и напряженные соотношения цветов: торжественный красный — Рима, зеленый и темно-желтый — Египта; и благородство поз; и жесткие, тревожные клики труб — так, должно быть, и звучали медные жерла римских бунции — все это отчетливо и сильно определяет образ спектакля.

И если спектакль в чем-то холодоват, если ему не хватает вулканической мощи страстей, если он порой утомляет декоративной перегруженностью, то и цельность своей, и идейным размахом он вызывает чувство уважения и благодарности.

Из всех работ театра, показанных на декаду, наибольший отклик у зрителей вызвал спектакль «Советь». Пьеса Эгона Райнета — весьма слабое произведение по своим драматургическим, художественным качествам. Но почему же этот спектакль волнует? Дело в том, что его постановщик Таммур, отлично отдавая себе отчет в несовершенстве драматургического материала, сумел выделить, выстроить, понастоящему зазвучать лишь намеченную автором тему — тему борьбы людей, чистых душой и достойных счастья, с труными, порой безыгодными обстоятельствами. И во многом успех спектакля определенное исполнение главной роли Каарелом Кармом — большим артистом эстонской сцены.

Карму удалось то, что при чтении пьесы кажется невозможным: он смог во многом преодолеть тот досадный разрыв, который существует в самом замысле пьесы Райнета. Разрыв, который делит ее на две обособленные части: в одной из них живет Куустас Локк — директор отставшей МТС, а в другой — совершенно независимо от первой — тот же Куустас Локк переживает горькую и трагическую историю своей поздней любви к женщине с душой маленькой и слабой. Да, для Карма главное — это личная драма Куустаса Локка. Но она не заслоняет от героя окружающую жизнь — безработица бунтует его МТС, ослабевшая кулолозы, где на трудоемкие все еще платят по тридцать копеек, тот МТС, в который орудуют ловкие очковтиратели.

Локк — Карм любит свою жену бесконечно, всепрощающе. Как он хочет, чтобы Мари-Эльте навсегда отстранилась от прошлого, забыла бы своего любовника — Фриха Януса — Клеопатра, и особенно Антс Эскола — Октавий — все это Шекспир. Но Шекспир, прочитанный по-своему. Все в красочном, пластическом, музыкальном решении трагедии подчинено ре-

Сцена из трагедии Шекспира «Антоний и Клеопатра». Марк Антоний — Каарел Карм; Клеопатра — Айно Тальви.

Эльте вернется к нему, а люди, которые рядом, не будут жить лучше? Мари-Эльте гибнет. Гибнет, запутавшись во лжи, извержившись в себе, в своем будущем. И право же, напрасно драматург заставил своего героя в трудную минуту, сразу же после смерти жены, произносить слова о том, что «жизнь требует», что «будет работать», напрасно вынудил его недогнущей рукой подписывать какие-то акты. Куустас Локк, каким его сыграл Карм, и без этих слов осилит беду. Пусть на его долю выпало столько тяжкого, — он еще многое сделает, чтобы в жизни стало больше общей радости.

Молодые режиссеры Вольдемар Пансо и Каллио Кийкс, поставившие на сцене Театра имени В. Кингисеппа инсценировку популярнейшего произведения эстонской классики — повести Оскара Лутса «Весна», открыли нам совершенно иные и очень своеобразные возможности коллектива. Оказалось, что в этом строгом театре живут традиции народного зрелища, с его склонностью к буфоннаде, к грубоватой и зловонной шутке, с его пристрастием к щедрым подробностям быта. И при этом молодой темперамент постановщиков, их веселое и подчас озорное решение спектакля помогли воспринять разнообразие живых и самобытных характеров. Главные ге-

Георгий КУБЛИЦКИЙ, специальный корреспондент «Литературной газеты»

Почти полтора месяца спустя после знакомства я снова встретился с Бориво Томичем, помощником директора предприятия речных путей «Иван Милутинович».

— Дела? Все отлично, план выполнен. На днях рабочий совет распределил прибыль. Ну, невозможно поспорить, конечно.

Один предлагали на «вышак» восемьдесят процентов месячного заработка, другие — сто.

Чтобы читатель понял, о чем шел спор на рабочем совете, нужно отвлечься далеко в сторону.

Когда я впервые попал на предприятие «Иван Милутинович» и спросил, кому оно подчиняется, друг директор тотчас схватил листок бумаги и изобразил на нем что к чему. Ядом с квадратиком «Ивана Милутиновича» выстроились квадратики других самостоятельных предприятий, занятых земледелием, перевозкой пассажиров и прочими работами на реках.

Карандаш соединил все квадратики с кружком, вокруг которого директор написал: «Удружение» (объединение). Потом появились кружки «удружений» морских, автомобильных, железнодорожных. А уже от всех этих кружков ниточки сошлись к «коморе» — палате. Получилась, в общем, довольно длинная цепочка.

Но ведь еще, сверх того, есть комитеты по делам народного хозяйства, по делам хозяйственных организаций...

Я намекнул другу директору, что все это, пожалуй, чем-то напоминает управленческие главы и министерства.

— Нет, нет! — замахал он руками. — Удружения, коморы только для координации, для увязки, для согласования!

Друг директор не стал чертить от «Ивана Милутиновича» линии связи с местными органами власти, но и без того было ясно, что они не могут оставаться безучастными к тому, как работает предприятие.

А должно оно работать прежде всего с прибылью. Тут — строго. Например, если установлено, что не получена та прибыль, которая объективно могла бы быть получена, то это по закону считается уважительной причиной для предложения о смещении директора.

Финансируют «Ивана Милутиновича» те организации, которые заинтересованы в какой-либо работе на речных путях. Если условия выгодны, «Иван Милутинович» заключает договор, не выходящий, — может оказаться, это его дело.

Но за выгоды, за прибыль гонятся и другие, соседние предприятия. И тут будет всякое. Никак нельзя считать в актив действующую в стране систему, например, конкуренцию между собой югославских предприятий на иностранном рынке, продававших там товары ниже себестоимости и покрывавших убытки вздутием цен внутри страны за счет югославских рабочих, крестьян, служащих.

А зато, конечно, темные махинации ради погоня за барышом! Обо всем этом говорится всего год назад на пленуме Союзного комитета Социалистического союза трудового народа Югославии. Тогда же было отмечено и такое поразительное явление, что «спекуляцией и повышением цен занимаются не только отдельные спекулянты, но, главным образом, люди, работающие в социалистическом секторе».

Это происходит, несмотря на существование рабочих советов и на промышленных, и в торговых предприятиях. Более того — в последних действуют еще советы потребителей. И все-таки — спекуляция! Трудно, разумеется, допустить мысль, что рабочие советы повторяли ей. Видимо, при сложившихся в Югославии противных экономических отношениях, при кратных свободному рынку рабочие советы не представляют собой достаточной реальной силы, не имеют фактической такой власти, которая позволила бы им всегда успешно бороться с противосоциалистическими явлениями.

Прибыль... Ведь ее можно добиться не только улучшением производства, снижением себестоимости, повышением производительности труда, которая, как известно, в Югославии не только не увеличилась по сравнению с довоенным 1939 годом, но, напротив, уменьшилась на 22 процента.

Предприятие «Оптика» в городе Нови Сад получило огромную прибыль, пере-

продавая купленные за границей очки по утроенной цене. И от этой спекуляции, увы, кое-какие суммы перешли каждому члену коллектива, от директора до уборщицы.

Самое печальное, пожалуй, здесь в том, что формально как будто ничего незаконного в этом деле не было.

В книге Ашера Делеона «Рабочие управляют фабриками», о которой я уже упоминал прошлый раз, говорится, что, поскольку в Югославии человек не только трудится на предприятии, но и управляет им, он уже больше не является наемным рабочим. То, что он зарабатывает, — это результат и личного труда и хозяйственного успеха предприятия на рынке; размеры платы работникам зависят от полученного дохода и размеров остающейся им прибыли.

Какая же часть прибыли им остается? Мне объясняли примерно так. Половина сразу отчисляется как союзный налог на прибыль. Из остатка делается вычеты во всевозможные, установленные законом фонды предприятия, уплачиваются взносы в погашение кредита и т. д. Остаток остатка делится между предприятиями и народным комитетом общины. Из этой своей части, которая, естественно, не так уж велика, предприятие делает разные капиталовложения в производство, покупает машины, образует фонды здравоохранения, жилищного строительства, удовлетворения культурных и коммунальных потребностей.

И только после всего этого дело, наконец, приближается к «вышаку».

Из того, что осталось, выплачиваются различные премии. Единой системы премирования на югославских предприятиях нет. Я сошлюсь для примера на систему, существующую на заводе «Лек» в Любляне. По словам председателя комитета управления этого предприятия Еме Закошека, премии получают:

за перевыполнение плана предприятия в целом — директор, технический директор, шефы (начальники) цехов, шеф снабжения;

за выгоду реализацию продукции — шеф коммерциалистов, шефы продажи и экспорта;

за интенсивность использования оборудования — шефы цехов;

за снижение себестоимости продукции — шефы цехов, бригадиры, а также контролеры, предотвратившие выход бракованных изделий;

за повышение производительности — директор, технический директор, шефы цехов, аналитики (организаторы) производства;

за повышение рентабельности — директор, шефы коммерциалистов, шефы технического, финансового и других отделов;

за ускорение оборачиваемости средств — директор, финансовые работники, шеф снабжения, шеф продажи.

И в заключение, после выплаты премий руководящим работникам и особо отличившимся работам, самый последний остаток может быть распределен между всеми членами коллектива пропорционально их заработку. Естественно, что чем больше вклад или заработок работника, тем больше «вышак» приходится на его долю.

Ашер Делеон приводит примеры сознательности югославских рабочих, которые «в условиях низкого жизненного уровня и множества неисполненных желаний и нужд», с полным пониманием дела спорят об употреблении прибыли и ради проведения водопровода или расширения предприятия готовы отказаться от части своих личных доходов. На предприятии «Иван Милутинович» решил вопрос в пользу выплаты «вышака». Спор на рабочем совете предприятия, о котором рассказывал мне Бориво Томич, возник по поводу того, распределить ли в этом году сумму, равную ста процентам месячного заработка, или же урезать ее ради увеличения резерва.

— Решили все же выдать месячный оклад, — говорит Томич. — Ведь сейчас к зиме у каждого столько дыр в бюджете, всякий динар на счету.

Томич вспоминает, что в прошлом году

«вышак» у них составил половину месячного заработка. Может быть, и в этом году не стоило бы делить так много. Резерв — великая вещь.

Я очень хорошо понимаю своего собеседника. Мне приходилось бывать в Югославии на предприятиях, где «вышак» поминался до суммы полугодового заработка за год. Но я знаю и немало таких, где в конце года, страдая себя, не распределяли ни динара, хотя у предприятия и была небольшая прибыль.

Дело в том, что на югославских предприятиях рабочие, если можно выразиться, участвуют не только в прибылях, но и в убытках.

Как только предприятие не выполняет плана, становится убыточным, его рабочие получают до 80 процентов обычного заработка.

Под это делаются попытки подвести теоретическую базу: они не наемные рабочие, они управляют своим предприятием. Раз нет прибыли, — значит, сами виноваты, плохо управляют. И не столь существенно, что, допустим, все рабочие такого предприятия лично выполняли нормы, а беда выпархнула из-за недостатка сырья, перебоев с электроэнергией или из-за творческой неучасти заводского шефа коммерции на рынке...

Я снова сошлюсь на книгу «Рабочие управляют фабриками», где говорится о случае, менее тяжелом, чем невыполнение плана «всем предприятием»: «...зарплата больше не зависит только от личного, но и от коллективного труда. На практике это значит, что отдельный рабочий, лучше работающий в этом месяце, чем в предыдущем, может получить и меньший заработок, поскольку предприятие в целом работало хуже, поскольку в его организации были пропуски (видимо, промахи)». — Г. К.

И оно плохо реализовало свою продукцию».

Не слышно ли тут много гадального, неустойчивого? Работал лучше — заработал... меньше! Может, будет «вышак», может, придется довольствоваться обычным заработком, а может, и его урежут на 20 процентов... Почему урежут? Не потому, что ты не заслужил личным трудом права на дополнительную оплату («вышак» не падает с неба, это, в сущности, часть заработка, но оплачиваемая в конце года), а возможно, даже потому, что твою продукцию не удалось выгодно продать!

Много все же непонятного для советского человека у наших югославских друзей!

Бывая на предприятиях, я, например, никак не мог привыкнуть к тому, что тут говорят о социалистическом соревновании, как о чем-то нужном, лишнем:

— Да, оно было и у нас. Но отмерло. Не привилось. Заменено более важными, более жизненными стимулами...

Слушая все это, незвольно думаешь — объясняются ли частично отдельные нездоровые явления на югославских предприятиях «отмиранием» некоторых норм, связанных с понятием социалистического отношения к труду?

В одном из селений возле Пулы, — если не ошибаюсь в Рапе, — я видел на стене здания памятную доску с надписью о том, что основная мысль Маркса о фабриках — рабочим, земле — крестьянам осуществлена югославскими первыми в мире. Октябрь 1917 года авторами надписи, очевидно, не принималась во внимание...

Мне кажется, что иной раз при оценке значения своих рабочих советов наши югославские друзья склонны забывать о всех иных формах участия трудящихся в управлении производством и вольно или невольно выдают найденную ими форму за универсальную, наилучшую, чуть ли не единственную. Очень уж часто в связи с этим повторяются слова: только мы, только у нас... Кстати, и в концовке книги, на которую я не раз ссылался, Ашер Делеон, говоря об опыте своей «насыщенной» внутренней силой и самоуверенностью страны, не излишней скромности объявляет его очень ценным и призывает: «Новые исследования следует внимательно изучить. Над приобретенным опытом следует задуматься!»

Что, верно, то верно — безусловно, следует задуматься!

Дели. Знание Дворца науки. Здесь происходит конференция писателей стран Азии. О многообразии затрагиваемых на ней вопросов можно судить хотя бы по повестке дня вчерашнего вечернего заседания: индийский писатель Саху рассказал о развитии литературы на языке ория, Сринивас Рагхаван сделал доклад о литературе на языке тамил, К. Нарайан — о работе писателей штата Андхра, пишущих на языке телугу. Изложение даже одного из этих докладов вряд ли возможно в рамках газетной корреспонденции. И к тому же сразу задумываешься над вопросом: почему отдать предпочтение именно этому докладу? Разве менее интересно было то, о чем сегодня утром говорили бенгальские писатели Гопал Халдара, Тарашанкар Банерджи и Манодж Басу о литературе, на языке которой творил великий Тагор?

Обмен мнениями происходит и с трибуны конференции, и в самом зале, и при личных встречах делегатов и участников, которых здесь так много. И во всем — теплота и сердечность.

Мне запомнились слова старшего индийского писателя Раджа Доралачари, сказавшего, что до сих пор так, как собра-

лись сегодня писатели Азии, встречались только политические деятели» разных стран. Он мог бы добавить к этому, что подчас после встречи политических деятелей следовали встречи военных деятелей, что не раз вызывало во всем мире беспокойство людей, следящих за развитием последующих событий. Теперь же, после многих встреч политических деятелей стран Азии, в Дели собрались не военные советники, начальники штабов, а писатели, борцы за превращение в жизнь заветных мирных чаяний своего поколения. Вот почему конференция горячо аплодировала Мирзо Турсун-заде, который, обращаясь к присутствующим с приветственным словом, сказал: «Литература настоящая всегда греет людские сердца, как солнце. Но литература, культура народов создается только в условиях мира. Война разрушает мир, создает. Мы должны свое творчество поставить на служение миру».

Конференция сердечно приветствовала советских делегатов как посланцев страны, народы которой не раз доказали свою беспредельную преданность идеям мира между народами и их сотрудничеству. Делегаты конференции в лице советских гостей увидели посланцев не только девяти

республик, но и всей нашей великой страны, которая не на словах, а на деле всегда стоит на позициях активной борьбы за мир и счастье человечества.

Мы передали президиуму конференции многочисленные книги наших друзей — писателей Азии, переведенные с китайского, японского, хинди, урду, бенгали, бирманского, вьетнамского, арабского и других языков. Наши друзья могли убедиться, какой живой интерес в их литературе существует в нашей стране. Они выслушали также внимательно доклады узбекской поэтессы Зухдиы и грузинского поэта Ираклия Абашидзе, рассказавших о литературе народов Средней Азии и Закавказья.

Работа конференции продолжается. Впереди еще много творческих обсуждений, предстоит решить много вопросов, горячо волнующих всех делегатов. Каждый стремится внести свою лепту в это трудное общее дело. Есть мудрая восточная посылка: никогда дверь не вертится на одной петле. Настоящая искренняя помощь друзей, их советы всегда помогут.

Писатели Азии, собравшиеся на свою конференцию, преследуют именно такую цель — обменяться мнениями, учиться друг у друга, помогать друг другу создавать литературу, служащую борьбе с колониализмом, освобождению народов, миру на земле.

Г. СЕВУНЦ, специальный корреспондент «Литературной газеты»

ДЕЛИ, 25 декабря. (По телеграфу)

КТО УБИЛ ПИТЕРА ВЕЙНБЕРГЕРА

История трагична и типична. Выйдя из дому с чистыми руками в руках, миссис Вейнбергер обнаружила, что коляска, в которой всего несколько минут назад сидел ее сын, исчезла. Питер Вейнбергер, грудной ребенок тридцати двух дней от роду, исчез. Но небесственно. Вместо него в коляске лежала записка. Неизвестный похититель требовал выкупа за ребенка — 2000 долларов. «Не сообщайте полиции до получения завтрашнего дня, иначе мне придется убить ребенка», — предупреждал преступник.

Похищение ребенка с целью получения за него выкупа, или, как говорят в США, киднап, — такое же специфически американское преступление, как, скажем, кока-кола — специфически американский прохладительный напиток. Киднап — это будни Америки. И то, что несколько месяцев спустя в парке под кучей опавших листьев были найдены полуистлевшие останки малютки Питера, тоже не бог весть какая новинка для американской уголовной хроники. Случай с похищением Питера Вейнбергера заслуживает подробного разговора лишь потому, что он, как яркая вспышка, осветил нравы американской печати и полиции и уродства «американского образа жизни».

Ясно и понятно, что святым долгом полиции, узнавшей от отца Питера о случившейся беде, было позаботиться о том, чтобы не спугнуть преступника. А для этого нужно было любой ценой предотвратить всякое упоминание о киднапе на газетных страницах.

Но полиция и печать в США издавна подталкивают между собой, так сказать, тесный творческий контакт. И на этот раз полицейские чины не замедлили из-под полы продать газетам тепленькую, щекощую нервы новость.

В результате уже через несколько часов после похищения, до срока, указанного в записке преступника, на улицах продавались газеты с описанием случившегося.

На утро следующего дня район Уэст-Бери, где жила семья Вейнбергеров, был затрещан фотоаппаратами, репортажами, операторами кинокамеры и телевидения с их громадными камерами. Они осаждали оседель и терзали расспросы родителей. Дескать микрофоны разносили по Америке рыдания матери. Даже брашенный к репортажам вопль доведенной до иступления женщины: «Перевернуть бы вам глотки!» — был позже опубликован в газетах. Что же, если для бессовестных охотников за сенсациями рыдания несчастной матери — хороший товар, то ее проклятия — тем более.

При этом каждый из участников «операции» был абсолютно убежден в душе, что преступник и носу не покажет на улицу, кишащую полицейскими и

корреспондентами. Так оно, конечно, и случилось. Ради красного, сенсационного словца пресса не пожалела не только матери и отца, но и жизни грудного ребенка...

Несколько месяцев спустя похититель был пойман. При современной чрезвычайно высоко развитой технике раскрытия преступлений достаточно самых минимальных исходных данных, а после живого человека всегда какой-нибудь след да останется.

Пойманый Анджелло ла Марка, отец двоих детей, шофер по профессии, рассказал, что за два месяца до преступления он купил дом за 15 тысяч долларов в расщелину. Это была самая легкая и приятная часть дела. Но вскоре пришла пора платить по счетам очередные две тысячи, а денег не было...

4 июля Анджелло ла Марка сел в грузовик и покатил в зажиточный район Уэст-Бери, где в одном из дворов увидел детскую коляску... На другой день он снова направился в Уэст-Бери, чтобы вернуть ребенка и забрать выкуп. По дороге он повернул ручку радиоприемника, установленного в кабине, и первое, что он услышал, был репортаж о похищении Питера Вейнбергера. Убедившись, что его ждет засада, ла Марка развернулся и дал газу. Ребенка он бросил в парке под кустом.

Мы не собираемся оправдывать преступника. Похищение и убийство грудного ребенка — чудовищное злодеяние. Но разве не достояние осуждения и уродливая экономическая система, царящая в США, порожающая подобные преступления?

Людей не хватает на жизнь, а склады ломятся от товаров. Любими средства американца убеждают покупать. Его уговаривают, соблазняют, ему вручают товары в расщелину, в долг. Но потом извольте выплачивать. Продавец, такой медово-лаковый, когда он навязывал вам товар, сдирая очередной взнос, беспощаден, как Шейлок, требующий «живого мяса фунт». Невеселую статистику опубликовал 7 декабря американский журнал «Кольерс».

Рядовые американцы задолжали различным фирмам и банкам в своей стране 30,6 миллиарда долларов.

Из каждой ста бездетных семей пятьдесят четыре живут в долг. А из каждой ста семей с детьми в долг живут восемьдесят пять.

«Потребительский долг», — грустно подытоживает «Кольерс», — следует за многими из нас от колыбели до могилы».

Жизнь в долг и расщелину далеко не так сладка, как это может показаться со стороны. Сами американцы сегодня признают, что в их стране «железное бремя» задолженности ведет к переполнению сумасшедших домов и тюрем...

М. В.

Советская книга в странах народной демократии

РУМИНИЯ — Какие книги советских писателей выпустило ваше издательство в 1956 году?

Вот что сообщает директор румынского издательства «Карта Русс» Илка Мелинеску: — Наше издательство уже несколько лет выпускает произведения русской классической и советской литературы. С начала нынешнего года мы издали более 40 книг советских писателей общим тиражом 520 тысяч экземпляров как в румынском языке, так и на языках национальных меньшинств нашей страны: венгерском, немецком, сербском.

Недавно румынские подпечники на шеститомное собрание К. Федина получили третий том сочинений популярного и любимого в нашей стране писателя. Большой успех завоевали у нас романы В. Шинкова «Емельян Пугачев», Л. Леонова «Русский лес», Д. Гранина «Искатели», Н. Чуковский «Балтийское небо», повести М. Пришвина «Корабельная чаша» и В. Тендрякова «Не ко двору».

Тематика издаваемых нами советских книг широка и разнообразна. Здесь сборники повестей, рассказов, очерков К. Паустовского, В. Овечкина, Г. Тропелюцкого, А. Калинин, С. Антонова, Н. Ляшко, книги для молодежи и юношества.

В этом году наше издательство выпустило пьесы А. Корнейчука «Крылья» и А. Штейна «Персональное дело».

И, наконец, о переводах. В минувшие месяцы мы перевели ряд книг советских писателей, получивших у нас наиболее широкое распространение. Среди них роман Ф. Гладкова «Энергия», В. Жаева «Далеко от Москвы», «Дни и ночи» К. Симонина, «Осуждение Паганини» А. Виноградова.

Мы широко практикуем издание работ советских критиков и литературоведов. Выходят две тематические серии: «Научно-популярная библиотека» и «Общая образовательная культура». Тираж книг, вышедших за этот год в обеих сериях, составил 165 тысяч экземпляров.

Как представляется советская поэзия среди издаваемых вами книг?

— Отдельными изданиями вышло в этом году несколько произведений В. Маяковского: «Во весь голос», «Люблю», «150 000 000», «Владимир Ильич Ленин» и другие. Вышли также «Избранное» А. Блока, «Стихотворения и поэмы» Н. Грибачева, поэма А. Яшина «Аленя Фомина».

Произведения В. Маяковского выходят в переводе Чичероне Теодореску. Поэма А. Яшина вышла в переводе Миху Драгана. Вероника Раубабуку и Мирон Радун Парашкилеску работают над переводами стихов С. Шиллера.

Писатели часто выступают авторами предисловий к издаваемым нами книгам. Так, Ч. Петреску написал предисловие к «Тихому Дону», Х. Делуня — к пьесам В. Маяковского, М. Садовяну — к «Обзарю» Шенченко, Т. Гану — к произведениям Ф. Достоевского и Г. Успенского.

Писатели часто выступают авторами предисловий к издаваемым нами книгам. Так, Ч. Петреску написал предисловие к «Тихому Дону», Х. Делуня — к пьесам В. Маяковского, М. Садовяну — к «Обзарю» Шенченко, Т. Гану — к произведениям Ф. Достоевского и Г. Успенского.

Писатели часто выступают авторами предисловий к издаваемым нами книгам. Так, Ч. Петреску написал предисловие к «Тихому Дону», Х. Делуня — к пьесам В. Маяковского, М. Садовяну — к «Обзарю» Шенченко, Т. Гану — к произведениям Ф. Достоевского и Г. Успенского.

Писатели часто выступают авторами предисловий к издаваемым нами книгам. Так, Ч. Петреску написал предисловие к «Тихому Дону», Х. Делуня — к пьесам В. Маяковского, М. Садовяну — к «Обзарю» Шенченко, Т. Гану — к произведениям Ф. Достоевского и Г. Успенского.

Писатели часто выступают авторами предисловий к издаваемым нами книгам. Так, Ч. Петреску написал предисловие к «Тихому Дону», Х. Делуня — к пьесам В. Маяковского, М. Садовяну — к «Обзарю» Шенченко, Т. Гану — к произведениям Ф. Достоевского и Г. Успенского.

Писатели часто выступают авторами предисловий к издаваемым нами книгам. Так, Ч. Петреску написал предисловие к «Тихому Дону», Х. Делуня — к пьесам В. Маяковского, М. Садовяну — к «Обзарю» Шенченко, Т. Гану — к произведениям Ф. Достоевского и Г. Успенского.

Писатели часто выступают авторами предисловий к издаваемым нами книгам. Так, Ч. Петреску написал предисловие к «Тихому Дону», Х. Делуня — к пьесам В. Маяковского, М. Садовяну — к «Обзарю» Шенченко, Т. Гану — к произведениям Ф. Достоевского и Г. Успенского.

Писатели часто выступают авторами предисловий к издаваемым нами книгам. Так, Ч. Петреску написал предисловие к «Тихому Дону», Х. Делуня — к пьесам В. Маяковского, М. Садовяну — к «Обзарю» Шенченко, Т. Гану — к произведениям Ф. Достоевского и Г. Успенского.

Писатели часто выступают авторами предисловий к издаваемым нами книгам. Так, Ч. Петреску написал предисловие к «Тихому Дону», Х. Делуня — к пьесам В. Маяковского, М. Садовяну — к «Обзарю» Шенченко, Т. Гану — к произведениям Ф. Достоевского и Г. Успенского.

Писатели часто выступают авторами предисловий к издаваемым нами книгам. Так, Ч. Петреску написал предисловие к «Тихому Дону», Х. Делуня — к пьесам В. Маяковского, М. Садовяну — к «Обзарю» Шенченко, Т. Гану — к произведениям Ф. Достоевского и Г. Успенского.

Писатели часто выступают авторами предисловий к издаваемым нами книгам. Так, Ч. Петреску написал предисловие к «Тихому Дону», Х. Делуня — к пьесам В. Маяковского, М. Садовяну — к «Обзарю» Шенченко, Т. Гану — к произведениям Ф. Достоевского и Г. Успенского.

Писатели часто выступают авторами предисловий к издаваемым нами книгам. Так, Ч. Петреску написал предисловие к «Тихому Дону», Х. Делуня — к пьесам В. Маяковского, М. Садовяну — к «Обзарю» Шенченко, Т. Гану — к произведениям Ф. Достоевского и Г. Успенского.

Писатели часто выступают авторами предисловий к издаваемым нами книгам. Так, Ч. Петреску написал предисловие к «Тихому Дону», Х. Делуня — к пьесам В. Маяковского, М. Садовяну — к «Обзарю» Шенченко, Т. Гану — к произведениям Ф. Достоевского и Г. Успенского.

Писатели часто выступают авторами предисловий к издаваемым нами книгам. Так, Ч. Петреску написал предисловие к «Тихому Дону», Х. Делуня — к пьесам В. Маяковского, М. Садовяну — к «Обзарю» Шенченко, Т. Гану — к произведениям Ф. Достоевского и Г. Успенского.

Писатели часто выступают авторами предисловий к издаваемым нами книгам. Так, Ч. Петреску написал предисловие к «Тихому Дону», Х. Делуня — к пьесам В. Маяковского, М. Садовяну — к «Обзарю» Шенченко, Т. Гану — к произведениям Ф. Достоевского и Г. Успенского.

Писатели часто выступают авторами предисловий к издаваемым нами книгам. Так, Ч. Петреску написал предисловие к «Тихому Дону», Х. Делуня — к пьесам В. Маяковского, М. Садовяну — к «Обзарю» Шенченко, Т. Гану — к произведениям Ф. Достоевского и Г. Успенского.

Писатели часто выступают авторами предисловий к издаваемым нами книгам. Так, Ч. Петреску написал предисловие к «Тихому Дону», Х. Делуня — к пьесам В. Маяковского, М. Садовяну — к «Обзарю» Шенченко, Т. Гану — к произведениям Ф. Достоевского и Г. Успенского.

Писатели часто выступают авторами предисловий к издаваемым нами книгам. Так, Ч. Петреску написал предисловие к «Тихому Дону», Х. Делуня — к пьесам В. Маяковского, М. Садовяну — к «Обзарю» Шенченко, Т. Гану — к произведениям Ф. Достоевского и Г. Успенского.

Писатели часто выступают авторами предисловий к издаваемым нами книгам. Так, Ч. Петреску написал предисловие к «Тихому Дону», Х. Делуня — к пьесам В. Маяковского, М. Садовяну — к «Обзарю» Шенченко, Т. Гану — к произведениям Ф. Достоевского и Г. Успенского.

Писатели часто выступают авторами предисловий к издаваемым нами книгам. Так, Ч. Петреску написал предисловие к «Тихому Дону», Х. Делуня — к пьесам В. Маяковского, М. Садовяну — к «Обзарю» Шенченко, Т. Гану — к произведениям Ф. Достоевского и Г. Успенского.

Писатели часто выступают авторами предисловий к издаваемым нами книгам. Так, Ч. Петреску написал предисловие к «Тихому Дону», Х. Делуня — к пьесам В. Маяковского, М. Садовяну — к «Обзарю» Шенченко, Т. Гану — к произведениям Ф. Достоевского и Г. Успенского.

Писатели часто выступают авторами предисловий к издаваемым нами книгам. Так, Ч. Петреску написал предисловие к «Тихому Дону», Х. Делуня — к пьесам В. Маяковского, М. Садовяну — к «Обзарю» Шенченко, Т. Гану — к произведениям Ф. Достоевского и Г. Успенского.

Писатели часто выступают авторами предисловий к издаваемым нами книгам. Так, Ч. Петреску написал предисловие к «Тихому Дону», Х. Делуня — к пьесам В. Маяковского, М. Садовяну — к «Обзарю» Шенченко, Т. Гану — к произведениям Ф. Достоевского и Г. Успенского.

Писатели часто выступают авторами предисловий к издаваемым нами книгам. Так, Ч. Петреску написал предисловие к «Тихому Дону», Х. Делуня — к пьесам В. Маяковского, М. Садовяну — к «Обзарю» Шенченко, Т. Гану — к произведениям Ф. Достоевского и Г. Успенского.

Писатели часто выступают авторами предисловий к издаваемым нами книгам. Так, Ч. Петреску написал предисловие к «Тихому Дону», Х. Делуня — к пьесам В. Маяковского, М. Садовяну — к «Обзарю» Шенченко, Т. Гану — к произведениям Ф. Достоевского и Г. Успенского.

Писатели часто выступают авторами предисловий к издаваемым нами книгам. Так, Ч. Петреску написал предисловие к «Тихому Дону», Х. Делуня — к пьесам В. Маяковского, М. Садовяну — к «Обзарю» Шенченко, Т. Гану — к произведениям Ф. Достоевского и Г. Успенского.

Писатели часто выступают авторами предисловий к издаваемым нами книгам. Так, Ч. Петреску написал предисловие к «Тихому Дону», Х. Делуня — к пьесам В. Маяковского, М. Садовяну — к «Обзарю» Шенченко, Т. Гану — к произведениям Ф. Достоевского и Г. Успенского.

Писатели часто выступают авторами предисловий к издаваемым нами книгам. Так, Ч. Петреску написал предисловие к «Тихому Дону», Х. Делуня — к пьесам В. Маяковского, М. Садовяну — к «Обзарю» Шенченко, Т. Гану — к произведениям Ф.